

ЖИЗНЬ
ЛОНДОНСКОГО ДНА
В ВИКТОРИАНСКУЮ
ЭПОХУ

Генри Мэйхью

Подлинные истории,
рассказанные
нищими, ворами
и продажными
женщинами

Генри Мэйхью

**Жизнь лондонского дна в
Викторианскую эпоху. Подлинные
истории, рассказанные нищими,
ворами и продажными женщинами**

«Центрполиграф»

1851

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

Мэйхью Г.

Жизнь лондонского дна в Викторианскую эпоху. Подлинные истории, рассказанные нищими, ворами и продажными женщинами / Г. Мэйхью — «Центрполиграф», 1851

ISBN 978-5-227-10291-1

Перед вами первое и наиболее полное исследование преступного мира Лондона, предпринятое издателем и журналистом Генри Мэйхью в середине XIX века. Вместе со своими помощниками автор посетил трущобы Ист-Энда и собрал правдивые рассказы воров, продажных женщин и прочих изгоев общества, которые зарабатывают на жизнь бесчестным путем, наживаясь на пороке или доверчивости более обеспеченных жителей города. Эта книга — источник бесценных сведений для социологов, историков и криминалистов, в ней вы найдете поистине диккенсовские сюжеты и убедитесь, что за прошедшие полтора столетия нравы горожан и приемы мошенников изменились не так уж сильно. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-227-10291-1

© Мэйхью Г., 1851
© Центрполиграф, 1851

Содержание

Брейсбридж Химинг	6
Проституция в Лондоне	6
Женщины, живущие уединенно в частных домах и апартаментах	12
Пансионерки	19
Женщины, живущие в низкосортных меблированных комнатах	23
Подружки моряков	27
Подружки солдат	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Генри Мэйхью
Жизнь лондонского дна в
Викторианскую эпоху. Подлинные
истории, рассказанные нищими,
ворами и продажными женщинами

Henry Mayhew

THE LONDON UNDERWORLD IN THE VICTORIAN PERIOD

Authentic First-Person

Accounts by Beggars, Thieves and Prostitutes

© Перевод, «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

Брейсбридж Химинг Проститутки

Проституция в Лондоне

Закрытость рассматриваемой темы очень ревностно охранялась в Англии, и люди столь упорно настаивали на своих правах и привилегиях, что законодательство не осмеливалось посягнуть на них даже ради – как посчитали бы многие – достижения справедливой и достойной цели. Судебным должностным лицам и полиции также не разрешалось переступать порог домов, где нарушается общественный порядок и мораль, разве что их присутствие потребуется в случаях, когда необходимо прекратить беспорядки в каком-нибудь респектабельном особняке, если они имели место на его территории. До самого недавнего времени полиция не могла арестовать тех торговцев, которые зарабатывали себе на жизнь постыдным способом, продавая книжки безнравственного содержания и непристойные картинки. Именно покойному лорд-канцлеру Кэмпбеллу мы обязаны этой спасительной реформой, и благодаря его похвальным усилиям позорная торговля на Холивел-стрит и ей подобных улицах получила удар, от которого больше никогда не оправится.

Если соседи решаются подать жалобу в суд на дом, в котором нарушается общественный порядок, и хотят принять на себя труд, беспокойство и расходы по предъявлению обвинения в суде, то вполне вероятно, что их усилия могут со временем возыметь желаемое действие. Но приговор не может быть вынесен без участия присяжных, как в некоторых европейских городах, положение дел в которых мы исследовали в другой части этой работы.

Чтобы показать, как трудно сейчас из каких-либо данных предоставить публике более или менее правильную оценку количества проституток в Лондоне, мы можем упомянуть (взяв отрывок из работы доктора Райана), что в то время, как епископ Эксетерский утверждал, что число проституток в Лондоне равно 80 тысяч, в городской полиции доктору Райану заявляли, что оно не превышает семи-восьми тысяч. В 1793 году полицейский судья г-н Колкьюхоун после долгих исследований пришел к выводу, что в городе было 50 тысяч проституток. В то время его население составляло один миллион человек, и так как впоследствии оно значительно возросло, мы можем составить некоторое представление о широком распространении этого скрыто развивающегося порока.

В 1802 году, когда аморальное поведение более или менее распространилось по всей Европе благодаря развращающим последствиям Французской революции, образовалось общество под названием «Общество пресечения порока», руководитель которого г-н Уилберфорс говорит следующее:

«Конкретные цели, на которые направлено внимание этого общества, следующие:

1. Недопущение профанации воскресенья.
2. Богохульные публикации.
3. Непристойные книги, гравюры и т. д.
4. Дома, в которых нарушается общественный порядок.
5. Гадалки».

В третьей части отчета общества говорится:

«Вследствие возобновившихся отношений с Европой, связанных с восстановлением мира, в страну хлынул поток разнообразных предметов самого непристойного содержания. Такой вывод можно сделать на основании выставления в витринах табачных магазинов табакерок неприличного вида. Ввиду того что эти обстоятельства имеют тенденцию к возрождению

такой торговли, общество за последние двенадцать месяцев имело случай прибегнуть к пяти судебным преследованиям, которые во многом способствовали удалению этой непристойной продукции, оскорбляющей взоры общественности».

Перед роспуском Бристольского общества пресечения порока его председатель г-н Биртл в 1808 году написал в Лондон следующее письмо:

«Сэр, так как Бристольское общество пресечения порока находится на грани роспуска, а агенты, нанятые ранее, находятся в разъездах, я взял свою лошадь и поехал в Стэплтонскую тюрьму, чтобы расследовать факты, содержащиеся в вашем письме. Я прилагаю несколько рисунков, которые купил в том месте, которое они называют своим рынком, причем ни они, ни я совершенно не таились. Они хотели навязать мне различные приспособления из кости и дерева самого непристойного рода, особенно те, что изображали преступление *inter Christianos non nominandum* (которое христиане не называют. – *лат.*), которое они называли *новой модой*. Я купил несколько, но они слишком объемны для письма. Эта торговля происходит перед дверью тюремного надзирателя каждый день между десятью и двенадцатью часами дня».

Полиция повела жестокую войну с этими людьми, которые обычно ходят от одного рынка к другому и продают непристойные изображения, которые ввозятся главным образом из Франции. И эта торговля сходит на нет, если совсем не ликвидирована.

Отчеты Общества пресечения порока представляют чрезвычайный интерес, и их можно получить бесплатно в конторе Общества, подав заявление.

Другое общество под названием Лондонское общество защиты молодых женщин и предупреждения проституции среди несовершеннолетних было учреждено в мае 1835 года. Мы взяли несколько отрывков из его вступительного обращения.

«Комитет не может не коснуться нынешнего ужасающего состояния морали в британской столице. Нельзя пройти по улицам Лондона и не поразиться крайне развращенному состоянию молодежи обоих полов определенного класса в этот период (1835 год). Также не будет преувеличением сказать, что преступность в Лондоне достигла чудовищных размеров. Более того, утверждают, что она нигде не достигает такого размаха, как в этом городе с огромными преимуществами. Здесь есть школы, где молодежь обучается всевозможным видам краж и аморальному поведению. Было доказано, что 400 человек зарабатывают себе на жизнь, используя девушек от одиннадцати до пятнадцати лет в целях проституции. Применяются любые хитрости, разрабатываются всевозможные планы, чтобы достичь этой цели, и когда невинное дитя появляется на улицах без защиты, один из этих безжалостных негодяев тайком наблюдает за ней и под каким-нибудь благовидным предлогом заманивает ее в обитель бесчестия и деградации. И как только ничего не подозревающая беспомощная девочка попадает к ним в лапы, она по уже заранее составленному плану становится жертвой их бесчеловечных замыслов. У нее отнимают одежду, данную ей родительской заботой или дружеским попечением, а затем, одетую в наряд, кричащий о ее позоре, ее заставляют ходить по улицам. И в свою очередь, принося своему хозяину или хозяйке свой заработок от занятий проституцией, она начинает заманивать в свои сети молодых людей. После этого бесполезно пытаться вернуть ее на тропу добродетели и чести, так как за ней бдительно присматривают, и если она попробует вырваться из когтей своего соблазнителя, ей угрожает немедленное наказание и часто варварское обращение. Оказавшись в такой ситуации, она перестает задумываться о своем будущем. Редко случается так, что такая молодая девушка ничем не заражается. Фактом является то, что множество этих юных жертв подхватывают какую-нибудь болезнь за неделю-две после соращения. Тогда их хозяева отправляют их в одну из больниц под вымышленными именами или жестоко выбрасывают на улицу умирать. И не так уж редко бывает, что за короткий промежуток времени длиной несколько недель цветение здоровья, красоты и невинности меняется на землистый оттенок болезни, отчаяния и смерти.

Этот факт будет оценен тогда, когда станет известно, что в трех крупнейших больницах Лондона за восемь лет с 1827 по 1835 год было зарегистрировано не менее 2700 случаев болезни по этой причине среди детей в возрасте от одиннадцати до шестнадцати лет».

Комментируя все это, Леон Фоше восклицает со смесью удивления и негодования: «Две тысячи семьсот детей, не достигших половой зрелости, заразились этой ужасной болезнью! Какое ужасное зрелище! И как можно не испытывать жалость к жертвам и возмущения в адрес их мучителей!» Глядя на то, как управляют его собственной великой страной, француз, вполне естественно, должен был громко обвинять власти в том, что они не принимают никаких мер к тому, чтобы не допустить такого размаха преступности и нищеты. Но он забывает, что, хотя система может хорошо работать во Франции, это не означает, что она может отлично проявить себя в среде людей, совершенно не похожих на его соотечественников по своим привычкам и характеру.

Все французские авторы испытывают глубочайший ужас перед нашей экономикой. Господа Дюшатле, Ришелю и Леон Фоше, которого мы только что цитировали, единогласно осуждают нашу слепую и упрямую терпимость. Они не понимают склад характера нашего народа, который никогда не позволит государству законодательно регулировать эту сферу жизни. Но тем не менее мы должны признать, что распутство в столице Англии, если даже оно и не такое открытое и явное, как в некоторых городах Европы, возможно, проникло настолько глубоко, что его невозможно искоренить. Отказываясь вмешиваться, законодательство молчаливо объявило существование проституток неизбежным злом, пресечение которого вызовет тревожные, катастрофические последствия во всей стране. Когда происходит нечто более ужасающее, чем обычно, этот случай попадает под юрисдикцию Общества пресечения порока, и закон острогожен при наказании за любое деяние, которое может быть истолковано как мелкое или тяжкое уголовное преступление. В странах с холодным климатом, равно как и с жарким, страсти являются главными факторами, создающими категорию женщин, о которых мы ведем речь. Но в полосе умеренного климата животный инстинкт не так трудно обуздать, и он редко приводит женщину к тому, что она отдается противоположному полу. Грубой ошибкой и широко распространенным заблуждением является представление о том, что жизнь проститутки ей самой так же отвратительна, как это кажется строгому моралисту, сокрушающемуся о положении падших женщин. Наоборот, исследования и старательные наблюдения привели нас к совершенно другому выводу. Авторы с живым воображением любят изображать невзгоды, выпавшие на долю невинной и доверчивой девушки из-за вероломства ее соблазнителя, оставившего ее. Кафедра проповедника слишком часто отзывается эхом на церковное осуждение и праведное отвращение, пока люди, не знакомые с реальными фактами, трепещут, думая о судьбе тех, на примере ужасного жребия которых их учат скорее содрогаться, нежели сочувствовать ему. Женщины, потерявшие в юности добродетель, часто ухитряются восстановить свою репутацию, и, даже если это не так, они часто незаметно смешиваются с более целомудренной частью населения и становятся хорошими членами общества. Любовь женщины обычно чиста и возвышенна. Но когда она посвящает свою привязанность мужчине, который воплощает в себе ее идеал, она без колебаний приносит в жертву все, что она считает для себя дорогим, ради его удовольствия, забывая о своих собственных интересах и предпочтениях. Побуждаемая благородным самоотречением, она получает грустное удовольствие от знания того, что она совершенно отказалась от всего, что ранее так рьяно хранила. Она чувствует, что ее любовь достигла своей критической точки, когда без малейшего похотливого толчка, который побудил бы ее к последнему шагу, без малейшей крупинки развратного желания, которое толкнуло бы ее к самопожертвованию, без какой-либо тени распутного чувства, таящегося внутри, она без надежды на спасение отдает себя идолу, которого она вознесла на пьедестал в своей душе. Это героическое мученичество является одной из причин – хотя, возможно, не самой главной или самой часто встречающейся – того потока безнравственности, который невидимо пронизывает нашу обще-

ственную систему. Самой серьезной причиной, с которой в равной степени трудно бороться, является низкая заработная плата, которую работающие на производстве женщины получают в этом огромном городе в обмен на самый тяжелый и изнуряющий труд.

Бесчисленные примеры занятия проституцией исключительно от нужды встречаются постоянно, и это не вызовет удивления, если вспомнить, что на каждые 100 мужчин в Англии и Уэльсе рождается 105 женщин. Эта цифра увеличивается еще больше из-за опасностей, которым подвергаются мужчины благодаря своим занятиям и склонностям, а также на военной службе на море и суше. Кроме того, побуждающие мотивы у мужчин со слабыми нравственными устоями и свободными взглядами так сильны, что сводники считают завлечение девушек в свои сети самым прибыльным и выгодным занятием. Некоторых девушек их лжепопечители даже воспитывают с раннего детства с тем, чтобы, как только возраст позволит им, они стали бы заниматься этим постыдным делом и приносить барыши. Отвратительный и ужасный пример, иллюстрирующий правдивость этого утверждения, попался нам на глаза не так давно. Мы расспрашивали девушку, которая дала следующие ответы на предложенные ей вопросы.

Сцена в садах Closerie des lilas, Париж

«Меня зовут Эллен, другого имени у меня нет. Да, я иногда называюсь разными именами, но редко использую одно и то же дольше месяца-двух. Насколько я знаю, меня не крестили. Я немного знаю о религии, хотя, мне кажется, я понимаю разницу между тем, что правильно, а что нет. Я, конечно, считаю неправильным жить так, как я живу сейчас. Я часто думаю об этом и плачу из-за этого. Но что я могу поделать? Я выросла в сельской местности, и мне разрешали бегать с другими детьми. Нас ничему не учили, даже читать и писать. Два раза я видела какого-то господина, который приходил на ферму, целовал меня и велел мне быть хорошей девочкой. Да, я помню все это очень хорошо. Когда он пришел в последний раз, мне было около одиннадцати лет, а два года спустя меня отправили в город, где тщательно одели и посадили в большой гостиной. Я там побывала какое-то время, а потом туда пришел господин с человеком, к которому меня отправили. И я сразу же узнала в нем того самого человека, которого видела на ферме. Впервые в жизни я посмотрела в зеркало, которое висело на стене,

так как это была вещь, которую я никогда не видела на ферме. Я подумала, что этот господин переместился и стоит передо мной, мы были такие похожие. Затем несколько минут спокойно смотрела на него и, наконец, взяла его за руку. Он сказал мне что-то – не помню что, и я ему на это ничего не ответила. Когда он закончил говорить, я спросила его, не отец ли он мне. Не знаю, почему я его об этом спросила. Он, казалось, смутился, а хозяйка дома налила немного вина и дала мне, а что было потом, я не знаю».

Такое, может быть, редко встречается, но это не так уж и невозможно с точки зрения морали, как кажется на первый взгляд.

Если верить самым авторитетным заявлениям, в 1857 году полиции было известно 8600 проституток, но эта цифра далека даже от приблизительного количества женщин легкого поведения в столице. Едва ли полиция может сделать больше, чем регистрировать их количество на Риджент-стрит и в Хеймаркете. Очень трудно подсчитать их реальное число, так как есть женщины, занимающиеся проституцией время от времени, и их число легко себе представить, но невозможно доказать. Одной из особенностей этой категории людей является их замечательная способность не заражаться болезнями. В большинстве случаев они известны своим умением приспосабливаться психически и физически к окружающим условиям. Сифилис редко бывает неизбежным. Это совершенно особая категория людей, которая страдает от разрушительного действия скрыто действующих болезней, которые порождаются свободным бурлением страстей и беспорядочными половыми связями. Юные девушки, невинные и неопытные, чья набожность еще не лишила их присущей им скромности и чувства стыда, позволяют подвергать свой организм такому потрясению, а тело – повреждениям, прежде чем прибегнуть к помощи хирурга, что, когда он все же приходит, его помощь уже почти бесполезна.

Ранее мы уже говорили, что предполагаемое количество проституток в Лондоне составляет около 80 тысяч человек, и, каким бы большим ни может показаться этот итог, он, вероятно, скорее ниже реальной цифры, нежели выше ее. Одно определенно точно, даже если это и преувеличение, – реальная цифра увеличивается с каждым последующим годом, так как проституция – неизбежная спутница развивающейся цивилизации и растущего населения.

Мы подразделяем проституток на три категории. К первой относятся женщины, которых содержат мужчины, имеющие свои собственные средства; во вторую входят женщины, которые живут в квартирах и зарабатывают себе на жизнь, продавая свою непостоянную любовь; и в третью – такие, которые живут в борделях.

Положение первой категории больше всех приближается к священным узам брака и находит многочисленных защитников и сторонников. У женщин из этой категории есть свои пригородные виллы, кареты, лошади и иногда ложа в опере. Их экипажи можно увидеть в парке, и время от времени благодаря влиянию их друзей-аристократов им удается получать приглашения на балы для самой привилегированной знати.

В домах, в которых проживают проститутки, одна или две из них занимают отдельную квартиру – в большинстве случаев с разрешения ее собственника. Эти обычно ходят в «дома ночных увеселений», где у них больше шансов встретиться с клиентами, чем если бы они расхаживали по улицам.

Бордели – это дома, в которых дельцы оплачивают проживание, питание и одежду женщин, получая доходы от своих подопечных. В эту категорию мы должны включить дома свиданий, где женщины не проживают, а просто используют этот дом в качестве убежища в дневное время. Замужние женщины, подражая Мессалине, которую Ювенал столь живо описывает в своих сатирах, не так уж и редко пользуются такими местами. Одна француженка, имевшая обыкновение посещать известный своей дурной репутацией дом на Джеймс-стрит в Хеймаркете, сказала, что она приезжала в город четыре-пять раз в неделю с целью раздобыть денег продажей своего тела. Она любила своего мужа, но он не мог найти какую-то приличную работу, и, если бы ей не нужно было снабжать его необходимыми деньгами для их хозяйственных расхо-

дов, они погрязли бы в нищете; а что угодно было лучше, только не это, добавила она без затей. Конечно, ее муж смотрел сквозь пальцы на то, что она делала. Каждый вечер около десяти часов он приходил, чтобы доставить ее домой. У нее не было детей, и она не хотела их иметь.

Не следует полагать, что если некоторые, а возможно, и большинство из них со временем становились сравнительно уважаемыми людьми и вливались в благопристойную жизнь, то не существует огромного количества тех женщин, чьи жизни являют собой самые волнующие трагедии и чье печальное существование – это сплошная борьба за предметы первой необходимости, периодическое отсутствие которых доводит их до полуголодного прозябания. Женщина, которая упала, как звезда с неба, может вспыхнуть, словно метеор в атмосфере, но это будет лишь мимолетный блеск. Со временем ее орбита сужается, и недалёковидность, которая была ее главной чертой по жизни, теперь утраивает и учетверяет ее бедственное положение. Чтобы заглушить мысли, она спешит в питейное заведение, и там заканчивается работа, которую она уже начала столь неудачно. Страсть к нарядам, которая объединяла ее в былые дни с представительницами ее пола, ослабевает и уступает место стремлению одеваться безвкусно и кричаще, а цветение здоровья сменяется губительными и токсичными французскими смесями и приносящей вред косметикой. Больничный хирург дал нам следующее описание смерти одной содержанки-француженки, которая в очень юном возрасте была завлечена в эти сети и привезена в Англию.

«Если верить ее собственным словам, она родилась в одном из южных департаментов страны. Когда ей исполнилось четырнадцать лет, в их края приехал представитель какого-то английского торговца людьми и предложил Аниль покинуть родину и уехать в Англию, где, как он сказал, был высокий спрос на женскую домашнюю прислугу, и на другом берегу Ла-Манша за это платили гораздо больше. Это предложение поддержали родители, и сама девушка приняла его с большой охотой. Вскоре после этого она в компании нескольких других девушек – все они были точно так же обмануты – уже покидала берега своей родины ради сомнительного будущего в стране, с языком которой они не были даже отдаленно знакомы. По приезде в Англию вскоре состоялось их падение, и на протяжении нескольких лет они продолжали обогащать владельцев дома, в котором жили. Все это время они отсылали небольшие суммы денег своим семьям за границу, и те существовали на доходы от бесчестья своих дочерей и радовались такой неожиданной удаче. Через некоторое время Аниль осталась брошенной на произвол судьбы и стала сама себя содержать. Будучи утонченной и ранимой по натуре, она остро чувствовала свое положение, которое повергало ее в печаль, доходящую почти до ипохондрии, и, хотя она была очень миловидной девушкой, это стало серьезным препятствием на ее пути к успеху. Она не умела изображать неискренний смех или бездумно улыбаться, как ее временные компаньонки, и разум ее расстраивался с каждым днем все больше и больше, пока она не обнаружила, что не может думать о том, чтобы попытаться сбросить болезненное состояние, которое овладело ее душой. В конце концов она стала жертвой инфекционной болезни, которая в конечном итоге сделала необходимым ее помещение в больницу. Когда она там оказалась, выяснилось, что болезнь неизлечима; ей была сделана операция, но безуспешно. Она переносила свою болезнь с детским нетерпением, постоянно желая ее конца, и часто умоляла меня со слезами на глазах привлечь на помощь науку и положить конец ее страданию. Однажды днем я как обычно пришел осмотреть ее. Как только меня увидела, она воскликнула: «А я сегодня веселая! Может быть, я не выздоровлю, но я не страдаю от боли». Но ее вид противоречил словам: ее лицо ужасно осунулось, глаза были сухими и красными и почти исчезли в глазных впадинах, а общий вид указывал на приближение конца, который она столь упорно звала. Размотав бинты, я приступил к осмотру; и тогда с ней произошла необычная перемена, и я понял, что ее смерть близка. Ее мысли блуждали, и она стала возбужденно и бурно говорить на своем родном языке. Через некоторое время она воскликнула: «Я не знаю, где я. Все

кончено». Выражение сильного страдания исказило черты ее изможденного лица. «Я больше не могу, – вскричала она и после небольшой паузы добавила жалобным голосом: – Я умираю».

Ее душа неосяземо выскользнула, и передо мной оказалось бездыханное тело». В дополнение к этим словам я привожу выразительный отрывок из одной старинной книги: «Есть также женщины (как перелетные птицы), которым не сидится на одном месте, которые через некоторое время перебираются из Сент-Джеймса и Марилебона в Ковент-Гарден, затем на Стрэнд, а оттуда в Сен-Жиль и Уоппинг. Оттуда они часто уезжают еще дальше, даже в Новый Южный Уэльс. Некоторые из них возвращаются через семь лет, некоторые через четырнадцать, а некоторые не возвращаются никогда. Во время своего пребывания здесь они, как птицы, выют себе гнезда, некоторые повыше, другие пониже. Поначалу они обычно устраивают их на втором этаже, затем на третьем, а потом на чердаке или в мансарде, где они привыкают к свежему воздуху и начинают вести ночной образ жизни. И по мере того как их цена падает, их скитания учащаются, и многие из них умирают, простудившись в ненастье, а другие бегут за границу».

Женщины, живущие уединенно в частных домах и апартаментах

Под эту категорию подходят два вида проституток: во-первых, содержанки, а во-вторых, примадонны или женщины, ведущие светский образ жизни. Первые представляют собой, вероятно, самую значительную часть женщин, избравших это занятие, если рассматривать его воздействие на высшие слои общества. Лаис, находившаяся под покровительством принца крови; Аспазия, друг которой является самым влиятельным дворянином в королевстве; Фрина, *милый друг* известного гвардейского офицера, богатство которого является притчей во языцех на фондовой бирже и в городе, имеют огромное влияние на общую нравственную атмосферу в обществе, в котором вращаются их высокопоставленные покровители, а отблески их ослепляющего распутства смущают и падают на тех, кто ведет более скромный образ жизни, побуждая к такому же распутному поведению, хоть и в более ограниченном масштабе. Едва ли в Лондоне найдется приход, не зараженный этой моральной нечистоплотностью. Всюду, где местность дышит каким-то особым очарованием, где воздух чище обычного, или это модный район, проникают эти язвы общественной системы и распространяются в большом количестве. И еще одна цитата из доктора Райана, хотя мы и не можем подтвердить его утверждения: «Подсчитано, что в одном лишь Лондоне ежегодно тратится 8 000 000 фунтов стерлингов на этот порок. Это легко доказать: некоторые девушки получают от двадцати до тридцати фунтов в неделю, другие больше, в то время как большинство тех, кто посещает театры, казино, мюзик-холлы и т. п., получают от десяти до двенадцати фунтов. Проститутки более низкого ранга получают около четырех-пяти фунтов, некоторые меньше фунта, а многие не зарабатывают и десяти шиллингов. Если считать, что в среднем каждая проститутка зарабатывает в год 100 фунтов стерлингов – что меньше реальной суммы, – это даст ежегодный доход в восемь миллионов».

Предположим, что расходы 80 тысяч проституток в среднем составляют 20 фунтов у каждой, в результате получается 1 600 000 фунтов стерлингов. Если вычтеть эту сумму из заработков, то останутся 6 400 000 фунтов стерлингов, которые являются доходом хозяев проституток. А если считать, что их число составляет 5000, то годовой доход, равный 1000 фунтов стерлингов у каждого, – это огромная сумма, которую мужчины в таком положении могут получить, если сравнивать ее со средствами многих уважаемых людей, имеющих профессию».

Буквально каждая женщина, которая отдается своим страстям и теряет добродетель, является проституткой. Но многие проводят границу между теми, кто живет беспорядочной половой жизнью, и теми, кто ограничивается одним мужчиной. То, что это так, очевидно из сведений, которыми мы располагаем. Столичная полиция не занимается проститутками «высокого полета». В самом деле, если бы она предприняла такую попытку, это было бы невозможно,

а также дерзко. Сэр Ричард Мейн любезно сообщил нам, что самый недавний подсчет количества публичных женщин был произведен 5 апреля 1858 года, в результате чего была получена цифра 7261.

Часто друзья какого-нибудь господина с положением в обществе и связями удивляются тому, что он испытывает непреодолимое отвращение к браку. Если бы они были в курсе его личных дел, их удивление быстро исчезло бы, так как они обнаружили бы, что он уже фактически соединен с той, которая обладает очарованием, талантами и достоинствами и которая, по всей вероятности, будет оказывать на него то же влияние на протяжении его жизни. Широкую распространенность такого образа жизни и его последствия едва ли можно себе вообразить, хотя его влияние чувствуется, и очень сильно. Факел Гименея горит не так ярко, как в былые времена, и даже если бы кузнец из Гретны по-прежнему занимался своим делом, он бы обнаружил, что год от года его бизнес сокращается с пугающей быстротой.

Большой ошибкой является думать, что содержанки не имеют друзей и общества. Наоборот, их знакомые если и не избранные, то многочисленные, и это они обычно заказывают им экипажи или коляски, запряженные пони, и в принятый час наносят визиты и оставляют свои карточки.

Их понятия о чести невелики, хотя обычно они более или менее религиозны. Если они увлекаются мужчиной, они без колебаний дарят ему свою благосклонность. У большинства содержанок есть несколько любовников, которые имеют обыкновение заходить к ним в различные часы, а так как они чрезвычайно осторожны при ведении своих амурных дел, они безнаказанно совершают супружеские измены и в девяноста девяти случаях из ста избегают огласки. Когда их разоблачают, судебный процесс – если только мужчина не ослеплен любовью – проходит, разумеется, в упрощенном виде.

Женщина, вероятно, получает щедрый подарок и снова плывет по воле волн. Однако в большинстве случаев такие женщины не остаются долго без другого покровителя.

Одна женщина, которая называла себя Леди, встретила своего поклонника в доме на Болтон-Роу, в котором она часто бывала. Лорд с первого взгляда влюбился в нее и после короткого разговора предложил ей жить с ним. Это предложение было принято с такой же быстротой и пылом, и без дальнейших размышлений его сиятельство снял для нее дом с видом на Риджент-парк, дал 4000 в год и приходил так часто, как мог, чтобы провести время в ее обществе. Она немедленно завела себе коляску и жеребца, взяла в опере ложу в партере и стала жить припеваючи. Необыкновенная щедрость ее друга со временем не уменьшилась. Она часто получала от него в подарок драгоценности, и его знаки внимания были такими же постоянными, как и разнообразными. Частое созерцание ее прелестей не привело к пресыщению, а добавляло топлива в огонь, и он был счастлив только с ней. Это продолжалось до тех пор, пока однажды в своей ложе в опере он не встретился с молодым человеком, которого она представила как своего двоюродного брата. Это возбудило в нем подозрения, и он решил более внимательно понаблюдать за ней и окружил ее соглядатаями. На самом деле у нее не было ни одного доверенного слуги, так как все они были подкуплены и готовы ее предать. В течение какого-то времени больше благодаря случайности, нежели мерам предосторожности с ее стороны, ей удавалось скрываться от их бдительных глаз, но в конце концов случилась катастрофа: ее вместе с любовником застали в положении, не оставлявшем места для сомнений. На следующий день он вручил ей пятьсот фунтов и, сделав несколько саркастических замечаний, дал отставку.

У таких женщин редко есть образование, хотя нельзя отрицать, что они не без способностей. Если они кажутся совершенством, то будьте уверены, что это исключительно внешне. Нрав у них непостоянный и беспечный, и эти качества, разумеется, находятся в противоречии с респектабельным образом жизни. Их ряды также пополняются представительницами того класса, где образование не в большой моде. Ошибочное представление о том, что большую часть таких женщин составляют дочери священников и девушки из среднего класса, дав-

ным-давно лопнуло. Среди них могут быть такие, но их немного, и они редко встречаются. Они не чувствуют отвращения к образу жизни, который они ведут. Большинство из них считают свое занятие способом заработать себе на жизнь, причем ничуть не унижительным и не грязным. Все они стремятся к замужеству и определенному положению в обществе как к конечной цели и делают все, что в их силах, чтобы ее достичь.

«Я не устала от своего занятия, – сказала мне однажды одна женщина. – Мне оно даже нравится. У меня есть все, что я хочу, а мой друг очень любит меня. Я дочь торговца в Ярмуте. Я немного научилась играть на фортепиано, и у меня от природы хороший голос. Да, я нахожу, что эти мои умения приносят мне большую пользу. Они, возможно, как вы говорите, единственные, которые могут быть полезны такой девушке, как я. Мне двадцать три года. Соблазнили меня четыре года назад. Скажу вам откровенно, я была виновата не меньше своего соблазнителя. Я хотела убежать от тяжелой и нудной работы в магазине своего отца. Как я вам уже сказала, они дали мне некоторое образование; я также немного научилась считать и узнала кое-что о земном шаре. Так что я полагала, что гожусь для чего-нибудь лучшего, чем присматривать время от времени за лавкой, или шить, или помогать матери на кухне и делать другие домашние дела. Я очень любила наряжаться и дома не могла удовлетворить это свое желание. Мои родители – глупые, добродушные старики, совершенно не интересные мне. Все вместе эти причины побудили меня поощрять живущего поблизости состоятельного молодого человека, и без долгих возражений я уступила его желаниям. Затем мы уехали в Лондон, и с тех пор я уже жила с четырьмя разными мужчинами. Через шесть месяцев мы устали друг от друга, и я так же горела желанием уйти от него, как он собирался избавиться от меня. Так что мы оказали друг другу взаимную услугу тем, что расстались. Ну, мои родители не знают точно, где я нахожусь или чем занимаюсь, хотя, если бы они были сообразительными, они вполне могли бы догадаться. О да, они знают, что я жива, так как время от времени я посылаю им о себе приятную весточку в виде денег. Что, как я думаю, со мной станет? Глупый вопрос. Я завтра же могла бы выйти замуж, если бы захотела».

Эта девушка являет собой прекрасный образец представительниц той категории проституток, которые живут исключительно сегодняшним днем и не заботятся о завтрашнем, пока что-нибудь не заставит их сделать это, и тогда они неистощимы на всевозможные уловки.

Теперь мы подошли ко второй категории этих женщин, которых обозначили как «примадонны». Эти не находятся на содержании, как представительницы первой категории, которую мы только что рассматривали, хотя некоторые мужчины, которые знают их и восхищаются ими, имеют обыкновение периодически навещать их. От этих мужчин «примадонны» получают значительный доход, но они ни в коем случае не полагаются полностью на их поддержку. Они постоянно увеличивают число своих друзей, что поистине является настоящей необходимостью, так как их отсутствие и различные другие причины сильно истончают их ряды. Этих женщин можно увидеть в парках, в театральных ложах, на концертах и почти во всех доступных для публики местах, где собираются светские люди – на самом деле, во всех местах, куда вход не по пригласительным билетам, а в некоторых случаях и эти с виду непреодолимые барьеры не могут устоять перед их тактом и обходительностью. Ночью их излюбленное место встреч находится по соседству с Хеймаркетом, где г-жа Кейт Гамильтон оказывает им, утомленным от танцев в Портленд-холле или после слишком веселых вечеринок, радушный прием. К Кейт можно прийти не только для того, чтобы развеять скуку, но и с целью пополнить оскудевшие финансы. Ведь Кейт очень осмотрительна в том, кого она пускает в свои комнаты: это мужчины, которые способны потратить – они и приходят с этим явным намерением – пять или шесть фунтов стерлингов или, возможно, больше, если это необходимо. Эти комнаты посещают женщины и мужчины, принадлежащие к самым высшим лондонским кругам. И хотя их можно увидеть у Кейт, они избегают появляться в каких-либо кафе в Хеймаркете или в подобных комнатах, которые в большом количестве имеются на прилегающих улицах;

они также не пойдут ни в какое другое казино, кроме казино Мотта. Их можно увидеть между тремя и пятью часами в Берлингтонском пассаже, хорошо известном излюбленном месте проституток высшего класса. Они хорошо знакомы с его эротическими лабиринтами, и если они получают ответ на свой сигнал, то незаметно проскальзывают в удобный шляпный магазин, ступени которого, знакомые с их стройными, обутыми в дорогую обувь ногами, ведут в верхние комнаты.

Парк, как мы уже говорили, также является излюбленным местом прогулок. Там можно назначать тайные встречи или завязывать знакомства. Конные верховые прогулки очень любят те, кто может себе их позволить. Они часто имеют такой же успех, как и пешие, и даже больший. Трудно сказать, какое положение в обществе занимали родители этих женщин, но обычно оно невысокое. Принципы свободной морали были им привиты рано, и посеянное семя не замедлило принести должные плоды.

Правдой является то, что большое количество модисток, портних, меховщиц, мастериц по изготовлению шляп, шелкового белья, обуви, уборщиц или подмастерьев у дешевых портных, кондитерш, продавщиц в модных и табачных лавках, в больших универсальных магазинах, служанок, постоянных посетительниц выставок, театров и танцевальных залов в большей или меньшей степени являются проститутками и содержательницами публичных домов, которыми может похвастаться Лондон. Но эти женщины не увеличивают ряды этой категории женщин. Вполне вероятно, это дочери торговцев и ремесленников, которые получают некоторую поверхностную рафинированность в ученичестве, а затем отправляются в модные районы, где они устают от монотонной работы, вздыхают по веселью танцевальных площадок, жаждут свободы от ограничений и развлечений, которые в нынешнем их положении им недоступны.

Женщины легкого поведения обычно напускают тумана на свое прошлое, и редко можно встретить женщину, – если это вообще бывает, – которая не была бы соблазненной гувернанткой или дочерью священника. И нет ни слова правды в таком утверждении, но такой уж у них каприз – так говорить.

Чтобы показать уровень образования женщин, арестованных полицией за указанный период, мы прилагаем таблицу, отделив добродетельных преступников от проституток.

Год	Возраст	Число женщин	Уровень образования порядочных женщин, попавших в полицейские суды за различные преступления за период с 1837 по 1854 год включительно				Уровень образования проституток, арестованных в тот же период			
			Не умели ни читать, ни писать	Умели лишь читать и или плохо читать и писать	Умели хорошо читать и писать	Имели очень хорошее образование	Не умели ни читать, ни писать	Умели лишь читать и или плохо читать и писать	Умели хорошо читать и писать	Имели очень хорошее образование
Год	6 лет	10 000	4813	4838	327	22	4524	5031	432	13
Год	6 лет	10 000	4167	5534	279	20	3672	5893	425	10
Год	6 лет	10 000	2802	1972	209	17	2305	7444	212	39
Год	9 лет	10 000	4570	5098	321	20	4109	5424	455	12
Год	9 лет	10 000	3247	6504	320	19	2821	6910	236	33
Год	18 лет	10 000	3861	5851	268	20	3498	6129	351	22

оды — если брать на 10 тысяч век в каждом периоде. Всего вано женщин обеих категорий 405 362 чел.

Эта таблица показывает, что публичные женщины немного менее безграмотны, чем те, которые вместе с ними образуют самую позорную часть населения. Но следует помнить, что это едва ли является точным мерилем оценки образовательного уровня всех проституток или проституток как категории населения, потому что мы лишь взяли тех, кто был арестован за какое-нибудь преступление или правонарушение. Так что мы можем справедливо предположить, что они были самыми худшими из себе подобных во всех отношениях.

Мы видим, что из общего числа женщин, арестованных за 18-летний период, на каждые 10 тысяч человек:

3498 не умели ни читать, ни писать

6129 умели только читать или плохо читали и писали

351 умели хорошо читать и писать

22 были очень хорошо образованны

Теперь мы подходим к рассмотрению сожительниц, то есть таких женщин, которые живут в одном и том же доме с несколькими другими женщинами, и начнем с тех, которые не зависят от хозяйки дома. Эти женщины поселяются в непосредственной близости к Хеймаркету, который ночью является главным местом их работы, когда гостеприимные двери театров и казино уже закрыты. С них берут немалую плату за занимаемые комнаты, а домовладельцы отстаивают свои непомерные требования, ссылаясь на то, что, раз целомудрие не является главной чертой их постоялиц, они вынуждены защищать свои собственные интересы, взимая чрезмерную плату за квартиру. Гостиный этаж на Куин-стрит, Виндмил-стрит, – а это излюбленное место проживания ввиду его близости к Комнатам Арджил, – стоит три, а иногда четыре фунта стерлингов в неделю, и другие этажи стоят соответственно. Женщины никогда не живут долго в одном доме, хотя некоторые из них проживают в одной комнате по 10–12 месяцев. Их принцип состоит в том, чтобы задолжать как можно больше, а затем упаковать свои вещи, украдкой отослать их в какое-нибудь другое место и обманом лишить домовладельца платы за квартиру. Дома на некоторых улочках в окрестностях Лэнгхэм-плейс сдаются людям, которые передают их в субаренду за 300 фунтов стерлингов в год, а иногда и больше. Проститутки этой категории живут вместе не из-за стадного чувства, а просто по необходимости, так как их занятие неизбежно не позволяет им жить в респектабельных меблированных комнатах. Они быстро завязывают знакомства с девушками, живущими в этом же доме, и через час-другой после первого знакомства начинают называть друг друга «дорогуша» – ничего не значащий, но очень широко распространенный эпитет. Иногда они предпочитают селиться в пригороде, особенно когда открыты Креморн-Гарденз; но некоторые живут в Бромптоне и Пимлико круглый год. Одна из их самых примечательных черт характера – щедрость, не имеющая, возможно, аналогов в поведении других людей независимо от их высокого или низкого положения на социальной лестнице. Движимые присущим им от природы безрассудством и приобретенной расточительностью, они без колебаний дадут займы друг другу деньги, если они есть, не думая о том, смогут ли они обойтись без них, хотя редко бывает так, что они лишние. Среди них принято одалживать подругам шляпки и платья. Если женщина, подходящая под это описание, говорлива и словоохотлива, ее активно добиваются мужчины, которые содержат кафе в Хеймаркете. Им нужно, чтобы такая женщина сидела, эффектно одетая, за прилавком, чтобы ее интересная внешность и остроумие привлекали завсегдаев таких мест и чтобы вынудить случайных посетителей купить какие-нибудь товары и безделушки, которые продаются в десять раз дороже их реальной стоимости. Чтобы добиться этого, они используют все свои способности, и неискушенному наблюдателю может показаться, что эти женщины на самом деле испытывают какую-то симпатию или восхищаются своей жертвой, видя мастерство, с которым они изображают это. Мужчина, чье тщеславие заставляет его поверить в то, что это прекрасное создание выбрало его, чтобы снизойти до разговора с ним благодаря его внешности, возмущился бы,

если бы услышал те же самые обольстительные речи, расточаемые следующему посетителю, и пожалел бы о десяти шиллингах, которые он заплатил за удовольствие иметь ящик для перчаток, красная цена которого составляет едва ли одну пятую суммы, отданной за него.

Дом ночных увеселений Кейт Гамильтон

Многое из того, что можно, строго говоря, назвать женственным, забыто. Скромность исчезла совершенно, и стыд перестает существовать. Все они в большей или меньшей степени пьют.

«Когда мне грустно, я пью, – сказала нам однажды одна женщина. – Мне очень часто бывает грустно, хотя я кажусь, на ваш взгляд, беспечной. Ну, мы не переживаем из-за того, что могли бы быть леди, потому что у нас никогда не было такого шанса. Но мы лишены все же этого положения, и, когда мы думаем о своем падении и о том, что никогда уже не сможем вернуться туда, откуда спустились, а иногда и пожертвовали всем ради мужчины, разлюбившего и покинувшего нас, мы выходим из себя. Сила этого чувства ослабевает немного, но нет ничего лучше джина, чтобы заглушить чувства. Каковы мои привычки? Ну, если я не получила писем от своих друзей или мне никто не наносит визит, я встаю около четырех часов, одеваюсь в домашнее платье и обедаю. Потом я час-другой могу погулять по улицам и подцепить любого, с кем сведет судьба, – то есть если мне нужны деньги. Потом я иду в Холборн немного потанцевать, и, если я кому-то понравлюсь, я веду его к себе домой. Если нет, я иду на Хеймаркет и брожу от одного кафе к другому, от «У Салли» до Карлтона, от «У Барна» до «У Сэма», и, если я никого не нахожу, я иду, если есть настроение, в курительную комнату. Больше всего мне нравится «Гранд Туркиш», но, как правило, ни в одной из таких курительных комнат нельзя найти хороших мужчин. С нами иногда случаются странные вещи: мы можем умереть от чахотки. Но недавно одна моя приятельница в кафе «У Сэма» познакомилась с джентльменом, а вчера утром они поженились в церкви Святого Георгия на Гановер-сквер. У этого господина, я полагаю, куча денег, и он немедленно уехал с ней в Европу. Верно, это необычный случай, но мы часто выходим-таки замуж, и довольно неплохо. А почему бы и нет? Мы милы,

мы хорошо одеваемся, мы умеем поговорить и постепенно проникать в сердца мужчин, вызывая к их страстям и чувствам».

Это была рассудительная и умная девушка, возможно, более рассудительная и умная, чем обычно бывают девушки ее профессии. Но ее признания достаточно для того, чтобы немедленно рассеять глупое представление у мужчин и женщин, которое давным-давно уже должно было быть опровергнуто, но которое и по сей день не исчезло полностью. Оно состоит в том, что век проститутки короток и проходит быстро, и у нее нет никакого движения вперед, морального или физического; и как только ее бросают, она всегда должна превращаться в распутницу.

Другая женщина рассказала нам, что она была проституткой в течение двух лет; ею она стала от нужды. В целом ей нравился ее образ жизни, она не думала о грешности своего занятия. Бедной девушке нужно как-то жить. Она ни за что не стала бы прислужгой, ее занятие гораздо лучше. Когда-то она была горничной одной дамы, но потеряла место из-за того, что не вернулась домой и провела ночь с мужчиной, который соблазнил ее. Впоследствии он покинул ее, и тогда она стала падшей женщиной. Больше всего она любила хорошо одеваться. В среднем раз в неделю она получала новую шляпку, а платья – не так часто. Она любила бывать в казино и обожала Крэморнские сады. Она терпеть не могла прогуливаться взад и вперед по Хеймаркету и редко делала это, если только ей не были очень нужны деньги. Холборн ей нравился больше, чем Арджил, там она всегда танцевала.

Пансионерки

Пансионерками называют тех, кто отдает часть заработка хозяйке борделя в обмен на предоставление полного пансиона. Как у нас уже был случай заметить, количество борделей в Лондоне или в отдельных приходах подсчитать невозможно не только потому, что они часто переезжают из одного района в другой, но и потому, что наше общество ненавидит все, похожее на шпионаж, и власти полагают, что не стоит заниматься подобными подсчетами. Из этого можно легко понять, как сложна задача статистика. Возможно, будет достаточно сказать, что этих женщин гораздо больше, чем можно представить себе на первый взгляд, хотя тех, кто отдает весь свой заработок в оплату за свое питание, проживание и одежду, еще больше. В Ламбете есть огромное количество таких домов самого низкого пошиба, и лишь не так давно владельцы восьми или десяти самых худших из них были вызваны в полицейский суд, и приходские полицейские, которые заявили на них, выступили на его заседаниях в качестве обвинителей. Остается лишь очень пожалеть, что при разборе таких дел судопроизводство не ведется быстрее, и оно не менее дорогостоящее. Давайте возьмем для примера одно из дел, на которое мы ссылались. Одного мужчину открыто обвиняют в содержании притона, полного жалких женщин, лишенных малейшей крупинки скромности и утративших всякий стыд, которые в действительности занимаются тем, что грабят, мошенничают и обворовывают неудачливых мужчин, которые настолько глупы, что позволяют им поймать себя в свои сети, – из человеколюбия будем надеяться, что это с ними случается в состоянии опьянения или по слабости. Очень хорошо; вместо простого недорогого судопроизводства патриоты, посвятившие себя разоблачению такого бесстыдного жульничества, оказываются втянутыми в нудное уголовное преследование и в случае неудачи оставляют за собой свободу действий. Загадочные исчезновения, трагедии на мосту Ватерлоо и решения присяжных о том, что человек был найден утонувшим, достаточно распространены в этом огромном городе. Кто знает, сколько таких необъяснимых дел могло быть задумано, спланировано и доведено до конца в каком-нибудь гнусном притоне в одном из самых худших кварталов наших чрезвычайно развращенных столичных приходов! Но сейчас мы будем рассматривать более высокую категорию таких домов. В ходе своих изысканий мы познакомились с девушкой, которая проживала в доме на улице, отходившей от Лэнгхэм-плейс. Внешне этот дом выглядел достаточно респектабельно. На нем не было никаких

признаков, указывающих на занятие или образ жизни его жильцов, разве что из-за опущенных штор в спальнях могло возникнуть предположение, что в доме проживает инвалид.

Когда вас вводили в дом, можно было увидеть, что комнаты обставлены хорошей, хоть и дешевой мебелью. Там были обитые саржей «кобург» стулья и диваны, стеклянные канделябры и красивые зеленые занавески. Девушке, с которой мы разговорились, было не больше двадцати трех лет. Она сказала, что ей двадцать, но никогда нельзя полагаться на заявления такого рода, сделанные представительницами ее профессии. Сначала она отнеслась к нашим расспросам с некоторым легкомыслием и в шутку спросила, что мы ей поставим, – вопрос, который мы справедливо истолковали как желание что-нибудь выпить. Таким образом, мы «выставили» бутылку вина, которая произвела должный эффект, сделав нашего информатора более разговорчивой. Вот вкратце то, о чем она нам рассказала. Ее жизнь была настоящим рабством; ей редко разрешалось – если вообще разрешалось – выходить из дома, да и тогда за ней приглядывали. Почему так было? Потому что она «покончила бы с этим», если бы у нее была возможность. Они знали это очень хорошо и принимали все меры к тому, чтобы у нее не появилось такой возможности. Их дом был довольно известным, и они принимали много гостей. У нее было несколько личных друзей, которые всегда приходили навестить ее. Они хорошо ей платили, но она почти не видела этих денег. Какая разница, ведь она не могла пойти и потратить их. Что она могла купить на эти деньги, кроме порции белого джина время от времени?

Что такое белый джин? «А где же вы прожили свою жизнь, позвольте спросить? Вы что, ловкач?» (Она имела в виду приходского священника.) Нет, и она была этому рада, так как она плохо себе их представляла; они были лицемерной братией. Ну, белый джин, если мне нужно знать, это можжевельная настойка; и я не могу сказать, что она ничего нового мне не сказала. Где она родилась? Где-то в Степни. Да и какая разница где; она могла все рассказать мне об этом, если бы захотела, но у нее не было желания. Это затронуло ее за живое, заставило слишком расчувствоваться. Ее грехопадение случилось, когда она была еще юной: ее завлекла хозяйка дома несколько лет назад. Она познакомилась с г-жой Н. на улице, когда та дружески заговорила с ней. Она спросила девушку, кто ее отец (он был плотником-поденщиком), где он живет, выудила у нее все про ее семью и в конце концов пригласила ее к себе выпить чаю. Девочка, обрадовавшись знакомству с такой доброй и хорошо одетой дамой, охотно и без колебаний согласилась, так как ей и в голову не пришло ничего дурного, да и отец ее никогда не предостерегал. Ее мать умерла за несколько лет до этого. Ее не привели прямо в дом, где я ее нашел? О нет! За рекой было другое заведение, где девушек «укрошали». Как долго она пробыла там? Да, наверное, месяца два, а то и три; она не вела счет времени. Когда она покорилась, а ее дух был сломлен, ее перевезли из этого дома в более аристократический квартал. Как они ее «укрошали»? О, они напоили ее и заставили подписать какие-то бумаги, которые, как она поняла, давали им над ней большую власть, хотя она точно не знала, в чем эта власть состояла или как она могла осуществляться. Затем они дали ей одежду, стали хорошо кормить и постепенно приучили ее к такой жизни. Ну а теперь есть ли еще что-то, что я хотел бы узнать, потому что если есть, то лучше мне побыстрее задавать свои вопросы, так как она уже устала от разговора. Собирается ли она вести этот образ жизни до самой смерти? Ну, она никогда об этом не думала, если я не собираюсь читать ей проповедь. Этому она выдержать не смогла бы – что угодно, только не это.

Я очень просил ее извинить меня, если я ранил ее чувства; я задавал вопросы, не имея в виду религиозный аспект или что-то другое, я просто хотел узнать, удовлетворить свое собственное любопытство.

Ну, так или иначе, она сочла меня слишком любопытным субъектом. Во всяком случае, я был вежлив, и она не отказывалась отвечать на мои вопросы. Будет ли она заниматься этим до конца жизни? Она считала, что да. Что же еще ей оставалось? Возможно, что-то может

измениться; откуда ей знать. Она никогда не думала о том, что сойдет с ума; а если и думала, то жила сегодняшним днем и никогда не рыдала по этому поводу, как некоторые. Она старалась быть веселой, насколько это было в ее силах. Быть несчастной было бы скучно.

Такова философия большинства таких, как она. Эта девушка обладала даром остроумия, которое она попыталась оттачивать на мне, как явствует из вышеизложенного, хотя по многим причинам я придерживался ее собственного жаргона. У меня нет причин подвергать сомнению правдивость ее ответов; то, что такова судьба очень многих молодых женщин в Лондоне, нет почти никаких сомнений. В действительности отчеты Общества защиты молодых женщин в достаточной мере доказывают это. Женская добродетель в больших городах подвергается бесчисленным покусениям, и моралист должен скорее испытывать жалость, нежели обвинять. Мы далеки от уверенности в том, что распутные женщины, которые имели обыкновение работать в той или иной области, прежде чем потеряли целомудрие, и способные сложить два и два, испытывают некоторую досаду или нехватку самоуважения, осознавая то, кем они являются. Эту категорию женщин называют «дилетантками», чтобы отделить их от профессионалок, которые целиком посвящают себя этому делу как профессии. Отсутствие добродетели в среде низших классов не всегда является предметом порицания. Сексуальные контакты между полами распространены столь широко, что нескромность очень редко является препятствием к браку. Безнравственное поведение мальчиков и девочек начинается настолько рано, что они считают его скорее знаком отличия, нежели чем-то иным. У каждого чистильщика сапог, который в своей форменной одежде и кожаном фартуке чистит вам ботинки за пенни на углу улицы, есть своя подружка. Их отношения начинаются, вероятно, в дешевых меблированных комнатах, которые они имеют обыкновение посещать, или, если они живут в семье, в дешевых театрах и местах дешевых развлечений, где сеется так много семян зла.

Раннее развитие молодежи обоих полов в Лондоне совершенно потрясает. Пьянство, курение, богохульство, непристойные действия и безнравственное поведение, которое не вызывает даже краски стыда, просто невероятны, а благотворительные школы и распространение образования, по-видимому, немного сделали для того, чтобы уменьшить это бедствие. Другой приносящий богатые плоды источник раннего нравственного разложения следует искать в огромных количествах романов, которые за пенни или полпенни продаются и в городе, и в сельской местности. Один из самых худших из недавних подобных романов называется «Чарли Вэг, или Новый Джек-пастух, история самого удачливого вора в Лондоне». Если сказать, что они не побуждают к разврату, воровству и самым разнообразным преступлениям, то это значит заблуждаться. Почему бы не поручить полиции – по постановлению парламента – взять под свою юрисдикцию это позорное использование книгопечатания в преступных целях? Безусловно, в Постановлении лорда Кэмпбелла можно было бы добавить некоторые положения или же внести на рассмотрение новый законопроект, который без больших затруднений решил бы этот насущный вопрос.

Мужчины посещают дома, в которых проживают женщины, по многим причинам, главная из которых – сохранение тайны. Они также уверены, что эти женщины ничем не больны, если они знают этот дом и он пользуется обычной репутацией хорошего заведения. Мужчины с определенным положением в обществе, прежде всего, избегают публичности в своих любовных делах и боятся быть увиденными в определенные часы в окрестностях Хеймаркета или Берлингтонского пассажа, так как их профессиональная репутация может быть скомпрометирована. Многие серьезные и скромные люди так же скрывают различные поступки своей частной жизни.

Если бы Асмодей (злой дух, разрушитель браков в древнееврейской апокрифической литературе. – *Пер.*) был болтлив, разносчиком каких интересных и анекдотичных сплетен он мог бы стать!

Другая женщина рассказала мне историю, несколько отличную от истории первой опрошенной мною девушки. Как показал мой опыт, эта история является некоторым стереотипом. Она стала жертвой хорошо продуманного, хладнокровного совращения; со временем у нее родился ребенок; вплоть до нынешнего времени ее соблазнитель испытывал к ней любовь и хорошо обращался с ней. Но в настоящий момент он бросил ее, дав пятьдесят фунтов. Оставленная полагаться на свои собственные силы, она не знала, что делать. Она не могла вернуться к своим друзьям и поэтому отправилась в очень дешевые меблированные комнаты и жила там, пока не закончились деньги. Затем она добывала средства к существованию для себя и ребенка, работая на производстве, но в конце концов наступили тяжелые времена, и ее выгнали с работы. Разумеется, за такой катастрофой последовала, как это обычно бывает, нищета. Она видела, как ее ребенок чуть ли не умирает у нее на глазах, и эта девушка со слезами уверяла меня, что она благодарила Бога за это. «Клянусь, – добавила она, – я сама голодала, чтобы накормить ребенка, пока не превратилась в кожу да кости. С самого начала я знала, что ребенок умрет, если ничто не улучшится, и чувствовала, что лучше не будет. Когда я смотрела на своего малыша, я достаточно хорошо понимала, что он обречен и ему не суждено владеть плачевное существование, как мне.

И я была рада этому. Вам это может показаться странным, но, пока мой мальчик был жив, я не могла пойти на улицу, чтобы спасти его жизнь или свою собственную, – я просто не могла сделать этого. Если бы там был детский приют, – я хочу сказать, что, как я слышала, есть такие приюты за границей, – я бы поместила его туда и как-нибудь стала работать, но приюта не было, и это чудовищный позор. Ну, в конце концов он умер, и все было кончено. Я чуть не сошла с ума и три дня пила после похорон; в конечном счете я вышла на улицу. Я стала жить лучше – здесь она саркастически улыбнулась – и живу в этом доме уже не один год. Но, клянусь богом, я не была счастлива ни на минуту со дня смерти моего ребенка, разве что когда я была мертвецки пьяна или лила слезы в пьяном раскаянии».

И хотя эта женщина не считала смерть своего ребенка преступлением, которое она совершила, в действительности оно тем не менее было делом ее рук. Она не обратилась в рабочий дом, который мог что-то для нее сделать и, во всяком случае, спасти жизнь ее малышу. Но отвращение, которое испытывает каждая женщина, имеющая какое-то правильное представление о жизни в рабочем доме или больнице, едва ли могут себе представить те, кто полагает, что раз люди бедны, то они должны потерять все чувства, деликатность, предрассудки и стыд.

Ее высказывания о детском приюте разумны. По мнению многих, потребность в таких приютах должна быть удовлетворена. Число таких преступлений, как детоубийство, неуклонно растет. А какая мать стала бы убивать свое потомство, если бы она могла обеспечивать его хоть как-то?

Анализ отчета о дознаниях по делам насильственных смертей, проведенных в Лондоне за пять лет по 1860 год, показывает, что общее число осмотров тел детей в возрасте до двух лет составляет 1130; все эти дети были убиты. Ежегодно их число составляет, в среднем, 226 человек.

Вот мы имеем цифру 226 детей, ежегодно убиваемых своими родителями. Она показывает, что либо наши общественные институты ущербны, либо английским женщинам присуща исключительная порочность. Первое предположение более вероятно, чем второе, которое мы никоим образом не готовы поддерживать. Следует понимать, что этот отчет не включает и в действительности не может включать в себя огромное количество неродившихся детей, от которых избавились при помощи лекарств и другими способами. Мы имеем право предположить, что все они увидели бы свет, если бы при рождении они были соответствующим образом обеспечены.

Парламенту по просьбе депутата г-на Кендала также был представлен отчет, в котором мы находим, что 157 485 повесток в суд по делам о незаконнорожденных детях были разо-

сланы в период с 1845 по 1859 год включительно, но лишь 124 218 заявлений на предполагаемых отцов дошли до слушания в суде, в то время как решения о предоставлении содержания ребенку были вынесены в 107 776 случаях. Оставшиеся 15 981 иск были отклонены. Отсюда следует тот факт, что ежегодно в среднем 1141 незаконнорожденный ребенок остается брошенным на руки своей несчастной матери. Эта статистика достаточно страшна, но есть основание бояться, что мы имеем лишь приблизительное представление о числе незаконнорожденных детей, а особенно о том, до какой степени распространено детоубийство.

Женщины, живущие в низкосортных меблированных комнатах

Чтобы найти дома с такими комнатами, необходимо отправиться в восточную часть города, покинув искусственный блеск западной аристократической части Лондона, где пороку потекают и лелеют его. Уайтчепел, Уоппинг, Рэтклиффское шоссе и им подобные районы изобилуют такими местами, пользующимися дурной славой. Таких заведений много в Сент-Джордже, где их содержат по большей части евреи с сомнительной репутацией. И если человеку не повезет и он попадет к ним в когти, то точно станет добычей сынов Израиля.

Однако мы можем найти большое количество меблированных комнат низшей категории, не углубляясь в лабиринт восточной части Лондона. Их много в Ламбете, на Ватерлоо-Роуд и прилегающих улицах, на небольших улочках между Ковент-Гарден и Стрэндом; некоторые находятся на улицах, выходящих из Оксфорд-стрит. Есть категория женщин, известных как «драчуни», которые снимают комнаты и через какое-то время сбегают, не заплатив за проживание. Такие женщины годами успешно вводят в заблуждение владельцев меблированных комнат. Одна такая «драчунья», излюбленным местом прогулок которой, особенно по воскресеньям, был Нью-Кат в Ламбете, сказала, что «она ни разу не вносила плату за комнату, годами не делала этого и не собиралась делать. Они же убили Христа, и обмануть еврея – это не грех». По крайней мере, этот грех она совершала безбоязненно. Она хвасталась этим, в городе ее знали как Мошенницу Сэл. Была еще одна, ее подруга, которая проходила под именем Мошенница Бетт. «Неужели вы не знали ее в свое время? Да Господь с вами, она была способна проделать столько же афер, сколько людей на луне! Она меняла места жительства, никогда не задерживалась долго на одном месте; ее вещи никогда не распродавали. А так как она ловко умела орудовать кулаками, жила неплохо. Только довольно крупный мужчина мог выкинуть ее из дома, а после того, как он это делал, она всегда давала ему что-нибудь на память о себе. О, у некоторых из них остались о ней воспоминания! Она покалечила многих... распявших Христа!» – «Она участвовала когда-нибудь в потасовках?» – «Во многих. Много раз попадала в тюрьму; знала каждого судью так же хорошо, как кидалу Джо, который был, можно сказать, ее особым другом». – «Он хорошо ей платил?»

Этот вопрос был задан лишь для того, чтобы удостовериться в размере компенсации, которую она и ей подобные имели обыкновение получать, но он привел ее в сильнейшую ярость. Моя собеседница была высокой, дородной женщиной лет двадцати семи, не совсем лишенной привлекательности, с круглым лицом, толстыми щеками и довольно хриплым голосом. У нее были толстые, мускулистые руки, а когда она стояла на ногах, производила впечатление грозного противника в уличной ссоре или потасовке.

«Хорошо ли он платил? Ты что, собираешься оскорбить меня? Зачем это ты задаешь мне такие «дешевые» вопросы? Так Джо был в тысячу раз лучше тебя!» Потом она пожалела об этих словах. Джо не был таким жуликом, каким – она готова поклясться даже перед смертью – был я. «Не хочешь ли ты промочить горло?» – «Ну, я бы не возражала».

Улица Нью-Кат. Вечер

Остановка в пивнушке, расположенной поблизости, в которой Мошенница Сэл, по всей видимости, чувствовала себя как дома, умиротворила и успокоила ее.

На просьбу дать «чутьочку чего-нибудь крепкого» за стойкой откликнулась молодая женщина кратким вопросом: «Неразбавленное?» Последовал утвердительный ответ, на мраморную стойку был поставлен стакан джина, который был моментально проглочен. Второй и третий быстро последовали за ним, очевидно, к великой зависти какой-то женщины, которая, как шепотом сказала мне моя собеседница, звалась Пьяница Лу и была красавицей – чего бы ни стоил этот последний эпитет. Но слов «у нас с ней была ссора» было достаточно, чтобы объяснить тот факт, что они не заговорили друг с другом.

«Сколько, по-вашему, вы зарабатываете в неделю?» – наконец отважился я спросить.

«Хорошо, я скажу тебе, – был ответ. – Неделя на неделю не приходится, я зарабатываю фунта четыре или три – иногда пять. Бывало и по восемь, и по десять. А Джо, он хорошо зарабатывает, это да. Я хочу сказать, когда ему фартит. Однажды, после одного ограбления, он дал мне пятерку, и я на нее хорошо погуляла вместе с Пьяницей Лу. Иногда я получаю три шиллинга, полкроны, пять шиллингов или время от времени десять, в зависимости от того, что за мужчина. Кто такой этот Джо, о котором я говорю? Ну, мне нравится твое нахальство. Как бы то ни было, он взломщик. Я ничего такого не делаю, никогда не делала и не буду; это небезопасно, да. Как я начала вести такую жизнь? Это простой рассказ. Я была служанкой в Бирмингеме. Мне надоело работать и надрываться, чтобы заработать себе на пропитание и получать за это – плохую жизнь. Вкалывать за пять фунтов в год, да я бы скорее умерла с голоду, это точно. Через некоторое время я уехала в Ковентри, удрала из Бирмингема, как мы говорим в наших краях, и стала встречаться с солдатами, которые там квартировали. Вскоре они мне надоели. С солдатами хорошо – с солдатами-то – гулять и всякое такое, но они не платят, потому что, ну, у них нет денег. И я сказала себе: поеду в Лондон, да так и сделала. Я быстро нашла там себе место. Эта жизнь нехорошая, которую я веду, и сейчас я подумываю с ней завязать. До свидания вам. Надеюсь, мы узнаем друг о друге больше, когда снова встретимся».

Когда она ушла, я обратил внимание на женщину, о которой говорил выше. Пьяница Лу – это имя не было эвфемизмом, оно было рассчитано на то, чтобы создать у слушателя предвзятое мнение против его обладателя. До этого я лишь бросил на нее один взгляд, а более внимательное наблюдение удивило меня, так как произвело на меня благоприятное впечатление. Она выглядела как леди, хотя и была осунувшейся. На ней не было безвкусной одежды кричащих расцветок. Ее платье было опрятным и свидетельствовало о вкусе при его выборе, хотя и дешевым. Я заговорил с ней. Она взглянула на меня, не отвечая, и выглядела при этом подавленной. Предположив, что причиной было то, что она вчера вечером напилась и пришла теперь в пивную, чтобы добавить, но не сумела получить кредит, я предложил ей полкроны и сказал, чтобы она взяла себе на эти деньги, что хочет. В ее глазах появился огонек; она поблагодарила меня и, позвав барменшу, сделала заказ с победной улыбкой. У нее был достаточно аристократический вкус, чтобы предпочесть белый бренди обычным напиткам, которые отпускаются в питейных заведениях. «Глоток бренди», как она это назвала, придал ей сил. Она заказывала стакан за стаканом, пока не потратила все деньги, которые я ей дал. К этому времени она была совершенно пьяна, и я был бессилен остановить ее. Прижимая руку ко лбу, она воскликнула: «Ах, моя бедная голова!» Я спросил, что с ней случилось, и впервые она снизошла до меня или почувствовала себя в таком расположении духа, чтобы поговорить со мной. «Мое сердце разбито, – сказала она. – Оно разбито с 21 мая. Я хотела бы умереть; хотела бы, чтобы меня положили в гроб. Этого ждать недолго. Я уже делаю это. Я только что забила еще один гвоздь в свой гроб, и Пьяница Лу, как меня называют, не станет потерей для общества. Взбодритесь, давайте споем. Почему вы не поете?» – закричала она, и ее настроение изменилось, как это часто бывает с пропойцами и является симптомом, который предшествует белой горячке. «Пой, говорю тебе», – и она затянула:

Впервые я встретила корнета
В драгунском полку.
Я дала ему то, что ему оказалось не по нраву,
И украла у него серебряные ложки.

Закончив свою песню, первый куплет которой – это все, что я запомнил, она впала в сравнительно спокойное состояние. Я попросил ее рассказать свою историю.

«А, я модистка, которую соблазнили, – довольно нетерпеливо проговорила она, – да не все ли вам равно!»

Мне пришлось некоторым образом стимулировать ее, чтобы заставить говорить и преодолеть нежелание рассказать о себе хоть что-нибудь, которое она, по-видимому, испытывала.

Она была дочерью уважаемых родителей; с юных лет воспылала любовью к двоюродному брату, служившему в армии, что в конце концов и привело ее к падению. После того как он ее покинул, она скатывалась все ниже и, наконец, оказалась среди падших женщин по ту сторону лондонских мостов. Я спросил ее, почему бы ей не найти себе пристанище, это могло бы спасти ей жизнь.

«Я не хочу жить, – ответила она. – Скоро я допьюсь до белой горячки и покончу с собой в приступе безумия».

И тем не менее я дал ей адрес председателя Ассоциации полночных встреч на Ред-Лайонсквер. Я уже уходил, когда в бар вошел молодой француз. Он орал какую-то французскую песню, которая начиналась со слов: «Да здравствует любовь, вино и табак».

И я ушел, когда он завязал беседу с этой девушкой, чье пристрастие к бренди дало ей то красноречивое имя, которое я называл выше.

Люди, содержащие низкосортные меблированные комнаты, в которых живут такие женщины, алчны, скаредны и часто бесчестны. Они взимают за свои комнаты огромную плату,

чтобы обезопасить себя от потерь в случае, если по ошибке приютят у себя «драчунью». Так что деньги, уплаченные их честными жильцами, покрывают недостачу, возникшую по вине жилищек-мошенниц.

Доктор Райан в своей книге о проституции приводит следующий необычный отрывок, когда пишет о таких низкосортных домах:

«Один хорошо информированный медик уверял меня, что поблизости к так называемой Флит-Дитч почти каждый дом представляет собой самый вульгарный и позорный бордель. Там есть большой акведук, с которого головорезы сбрасывают тела убитых, и через приличное расстояние они попадают в Темзу, где нет никаких шансов на то, что они вернутся назад».

Г-н Ришелло с большой серьезностью приводит эту цитату и представляет ее как доказательство безнравственности и преступности, которые в такой ужасающей степени распространены в Лондоне. Как жаль, что этот хорошо информированный медик не назвал при этом своего имени в качестве гарантии подлинности своих слов!

Говоря о женщинах, ищущих клиентов на улицах, этот же самый автор сообщает следующее:

«Когда эти поистине несчастные создания фланируют по улицам, за ними пристально наблюдают, чтобы они не могли скрыться. А если они пытаются сделать это, то соглядатай – обычно девочка, нанятая для этой цели, или сутенер, или сводница – обвиняет беглянку в совершении преступления – в бегстве с одеждой содержателя борделя. Полицейский на посту немедленно арестовывает правонарушительницу и отводит ее в полицейский участок своего округа, но затем обычно передает ее в руки хозяина борделя за вознаграждение. Эта бесчеловечная и позорная практика происходит в этом городе каждую ночь. Когда жалкая, несчастная женщина возвращается в свое скверное пристанище, с ней жестоко обращаются и держат почти голой в течение дня, чтобы она не могла попытаться убежать. Часто ее морят голодом, а ночью снова отсылают на улицу сразу, как только она освобождается, а все полученные ею деньги забирает ее хозяин или хозяйка. Эта картина написана без преувеличения, это факт, который я сам подтверждаю. Я знал пятнадцатилетнюю девушку, у которой за ночь было двенадцать мужчин, и своему хозяину она принесла столько же фунтов стерлингов».

Каким живым воображением, вероятно, был наделен автор этих поразительных отрывков. Восхитительные и невероятные «Сказки 1001 ночи» – сама реальность по сравнению с ними. Если мы умножим 12 на 365, каков будет результат? Нас никогда до этого так не интересовала арифметика: $12 \times 365 = 4380$. Этот итог, разумеется, означает фунты стерлингов. Да это же почти равняется жалованью рядового судьи! Но, возможно, молодая пятнадцатилетняя особа не столь удачлива каждую ночь. Давайте сократим эту сумму наполовину: $4380: 2 = 2190$. Две тысячи сто девяносто фунтов в год – это очень приличный доход. И после таких подсчетов можно ли удивляться тому, что карьера распутницы столь соблазнительна и привлекательна для определенного числа представительниц прекрасного пола? Такое прибыльное занятие нельзя включать в категорию тех, за которые «держат почти голыми в течение дня и часто морят голодом». Мы выдвигаем такое предположение по собственной инициативе, так как не были «свидетелями» случаев такого раннего распутства. Но мы делаем такое предположение, потому что это чем-то похоже на содержание негров в южных штатах Америки. Взрослый сильный негр являет собой живой эквивалент тысячи или двух тысяч долларов. Если бы его били и запугивали, он, вероятно, умер бы или, по крайней мере, не работал бы хорошо, что нанесло бы ущерб его владельцу, а это хозяин Помпея не замедлил бы обнаружить. По аналогии, с белой рабыней в Англии следует так же хорошо обращаться, иначе естественным последствием станет то, что она не будет столь продуктивно трудиться, и 12 фунтов, полученные от такого же количества мужчин за несколько часов, могут сократиться до стольких же шиллингов, с трудом собранных за большой промежуток времени.

Доктор Майкл Райан, очевидно, имеет широкие знакомства среди замечательных людей. Давайте рассмотрим утверждение «моего информатора – по-настоящему нравственного человека, уважаемого гражданина, главы семьи», который так рассказывает о вышибалах:

«В одном из парков два его знакомых, оба умудренные жизненным опытом мужчины (со всей скромностью мы утверждаем, что по-настоящему нравственные люди, уважаемые граждане и отцы семейств должны быть более избирательными в своих знакомствах, ведь рыбак рыбака... и т. д.) увлеклись двумя с виду добродетельными женщинами лет двадцати, которые ехали в фаэтоне, запряженном пони, и отправились провожать их домой до пользующейся самой дурной славой площади в городе. Они предавались безумствам и пьянству до следующего утра. Но когда визитеры собирались уйти, им было строго сказано, что они должны заплатить больше. Они ответили, что у них больше нет, но они зайдут еще, и тогда их порочные подружки громко закричали. В комнату вошли два типа отчаянного вида в сопровождении большого мастифа и пригрозили убить виновников, если они немедленно не заплатят деньги. Последовала жестокая драка. Мастиф схватил одного из мужчин за бедро и вырвал изрядный кусок мяса. Однако в конце концов сутенеры оказались поверженными: отбивавшиеся мужчины силой проложили себе дорогу на улицу через окна гостиной. Быстро собралась толпа, и, узнав причину ужасного нападения, люди бросились к дому и чуть не разрушили его до прибытия полиции (где же находились полицейские?). В суматохе пострадавшие скрылись».

Какое удивительное приключение! Гарун аль-Рашид приказал бы записать его золотыми буквами. Умудренный жизненным опытом человек, у которого страшный мастиф вырвал из ноги большой кусок мяса, вероятно, был образцовым спортсменом, чтобы суметь убежать и наказать своего обидчика после такого происшествия, особенно после того, как он выпрыгнул из окна гостиной. А потом еще эта толпа, эта беспощадная толпа, которая чуть не снесла дом до прибытия полиции! Толпа страшнее тех, которые собирались в Сент-Антуанском или Сент-Жакском предместьях во время хлебного бунта в Париже, возводили баррикады и доставляли беспокойство правительству. Какой ужас должны испытывать по-настоящему нравственные люди при виде внешне добродетельных женщин, катающихся по паркам в фаэтонах, запряженных пони! Далее этот же уважаемый гражданин дополнительно сообщает нам, что «в одном дворе неподалеку от другой площади с дурной репутацией, который был снесен несколько лет назад, под полом были найдены несколько скелетов, и по ним велось следствие». Какие жуткие мысли мелькают в голове и затуманивают представления этого главы семейства!

Такие потасовки и беспорядки часто происходят в подобных домах, это нельзя отрицать. Есть несколько отдельных примеров, когда мужчины подвергались нападению или грабежу в состоянии опьянения. Но тому, что есть дома, чьи хозяева систематически грабят и убивают своих завсегдаев, наш опыт не находит доказательств. Мы также ни на секунду не верим, что такое бывает. Иностранцы, которые пишут об Англии, слишком жаждут увидеть такие рассказы в печати и сами с величайшей радостью переносят их на страницы своих собственных изданий, представляя их таким образом, будто такое часто случается – может быть, каждую ночь – в домах, пользующихся дурной славой.

Проститутки определенной категории без колебаний грабят пьяных мужчин, если считают, что могут сделать это безнаказанно. Если им попадается господин, который не захочет передавать воровку в руки полиции и делать это происшествие достоянием гласности, они находятся в относительной безопасности.

Подружки моряков

Много необыкновенных утверждений в отношении подружек моряков было в разное время распространено различными авторами; и из того, что стало известно миру, у людей,

интересующихся такими вопросами, не сложилось очень высокое мнение об этой категории женщин.

Современная цивилизация развивается так быстро, и удивительно, что изменения, которые происходят в течение короткого отрезка времени протяженностью в несколько лет, поистине невероятны.

То, что можно было с полным основанием сказать десять, пятнадцать или двадцать лет назад о каком-то конкретном районе или названии, будучи повторенным в настоящее время, на самом деле окажется не чем иным, как самой грубой и необоснованной выдумкой. Романисты, которые никогда не бывали в местах, описываемых ими столь живо, и которые никогда не видели своими глазами сцен, изображаемых с такой графической точностью, гораздо больше вводят в заблуждение широкую общественность, чем может подумать случайный наблюдатель.

Высшие слои общества и средний класс, как правило, вынуждены бороться с бесчисленными предрассудками и обязаны отвергать традиции времен своего детства, прежде чем как следует поймут реальное положение той породы людей, которую их с незапамятных времен учили считать людьми самыми низшими, если не дикарями.

Эта вводная часть была необходима, прежде чем заявить, что за последнее время все, связанное с трудящимися массами, претерпело настолько глубокие изменения, какие только может совершать магия на сцене. Изменилось не только положение людей, но и они сами реально изменились. Я опишу чудеса, которые произошли за десяток-другой лет в Сент-Жиле благодаря бдительной и активной полиции, улучшению местного управления, школ, прачечных, технических училищ и меблированных комнат, что привело к исчезновению тех мерзких, распространяющих заразу хлевов, в которых свиньи упрямо отказывались валяться.

Распространение просвещения и образования также стало заметно и в том, что сам вор стал более тактичен и ловок; и это является одной из причин исправления ранее порочных окрестностей. Вор больше не посещает места, известные полиции, где его могут сцапать. Забыв о своих прибежищах, где раньше он чувствовал себя как дома, он перебирается на запад, север, юг, в любые другие окрестности, чтобы только не находиться поблизости от тех мест, где с ним можно ожидать встречи. Да и враждебные действия полиции не так активно направлены против опытных и пользующихся дурной славой воров. Полицейские, разумеется, не пренебрегают возможностью произвести арест и гордятся собой, когда такое происходит, но они питают некоторое уважение к вору, который является таким профессионалом и говорит: «Таким способом я предпочитаю добывать себе средства к существованию; и если бы все было иначе, я все равно выбрал бы себе занятие вора, потому что я привык к нему с детства. Моя репутация уже такая, что никто не возьмет меня на работу, и, кроме того, я горжусь своим умением воровать ловко и бросать вызов мастерству ваших детективов».

Таков на самом деле мелкий вор, районный воришка, та категория людей, которая вызывает особое раздражение и гнев у современного полицейского. Неработающий, ленивый негодяй, который не станет работать, когда есть работа в доках и других местах, который ходит и попрошайничает из-за присущей ему порочности, а основные инстинкты лишают его искры разума, крупниц понятия о честности и указывают ему на более доступную и совершенно другую цель. Эмиграция для них не существует; они ведут позорную жизнь за счет общества; половину своей жизни они проводят в тюрьме и преждевременно умирают, не оставляя о себе ни сожаления, ни грусти.

Район Ист-Энда Уайтчепел всегда считался подозрительным и опасным местом. Начнем с того, что население в нем представляет собой странный сплав евреев, англичан, французов, немцев и других противоборствующих элементов, которые должны сталкиваться между собой и вступать в конфликты, но не до такой степени, как об этом сообщают. В этом районе есть свои театры и мюзик-холлы, невысокий уровень цен на билеты в которые позволяет им поглощать

большое количество его жителей и, невинно развлекая их, улучшать их манеры и удерживать их от бед и зла.

Недавно приведенный в порядок и отреставрированный театр «Эрл Эффингем» на Уайтчепел-Роуд вмещает три тысячи человек. В нем нет лож, так как у них не было бы постоянных посетителей, если бы они существовали. Жители Уайтчепела не ходят на спектакли в лайковых перчатках и белых галстуках. Сцена этого театра просторная и просто отличная; в нем есть обширная база для спецэффектов, так как в Уайтчепеле очень любят пиротехнические шоу, синих, красных духов и дьявола, исчезающего в облаке дыма через незаметное отверстие в полу. Громкими аплодисментами встречают прозрачных нимф, когда они, как Афродита, выходят из волн морских и садятся на мнимые солнечные лучи, висящие между сценой и театральными небесами.

«Павильон» – это еще один театр на Уайтчепел-Роуд, который, наверное, котируется выше, чем «Эффингем». «Павильон» может выдержать сравнение – похвальное для него самого и его архитектора – не с одним театром Вест-Энда. Его жители, которые в своих мечтах никогда не ездили дальше, чем отдел дивидендов и переводов Банка Англии на Треднидл-стрит, имеют смутное представление о том, что театры Вест-Энда сильно напоминают полуразвалившийся и захудалый Сохо на Дин-стрит, который заполняется грубыми, шумными компаниями подвыпивших воров и проституток. Пора уже этим представлениям рассеяться. Проститутки и воры, конечно, находят способ попасть в театры и другие места развлечений, но, наверное, если бы вы в окрестностях стали выискивать всех людей с дурной репутацией, их не хватило бы, чтобы заполнить партер и галерку «Павильона».

На подступах к театру можно заметить проституток, стоящих небольшими группками по 3–4 человека, и вы также увидите их внутри театра, но там они, по большей части, будут в сопровождении их мужчин. Сержант, ранее служивший в округе Н, за чьи услуги я благодарен старшему полицейскому офицеру Уайту, уверил меня, что, когда моряки сходили на берег в доках и доставали свое жалованье, они выбирали себе женщин, на которых они считали себя временно женатыми, и им они отдавали деньги, заработанные за их последний рейс. Они жили с этими женщинами, пока не закончатся деньги (а женщины обычно честны с моряками). Потом они снова отправлялись в море, зарабатывали еще, возвращались домой, и все повторялось сначала. На Сент-Джордж-стрит и Рэтклиффском шоссе есть, наверное, двенадцать или пятнадцать пивных, имеющих разрешение на исполнение музыки; несколько лет назад большинство из них были переполнены, а сейчас они едва могут покрыть свои расходы, и ожидается, что в следующем году многие из них должны будут закрыться.

Этому существует простое объяснение. Многие моряки отправляются дальше на восток, в округ К, который включает в себя Уоппинг, Блугейт и т. д. Но главной причиной такого упадка является просто появление банков для сбережений моряков. Больше нет денег, которые можно тратить, как это бывало. Когда моряк сходит на берег, он, вероятно, пойдет в ближайший «дом моряка» и положит свои деньги в банк. Беря из банка около фунта себе на развлечения на пару дней, он затем распорядится переслать свои оставшиеся деньги друзьям на берегу, к которым он сам отправится, как только ненадолго окажется в городе. Так что деньги, которые раньше обычно тратились в одном месте, тратятся теперь по всей стране, следовательно и вполне естественно, что владельцы пивных остро чувствуют перемену. Чтобы показать, как за последние годы в лучшую сторону изменились окрестности Лондона, я упомяну, что шесть – восемь лет назад Восточный Мюзик-холл посещали бандиты. Его владелец сказал мне, что он был только рад, когда часы били двенадцать, чтобы он мог закрыть заведение и выставить за дверь своих буйных клиентов, главным развлечением которых было уродовать и разбивать друг другу физиономии.

С той поры г-н Уилтон реконструировал свой концертный зал и пристроил галерею для моряков и их женщин. Обычно зал заполняют торговцы, владельцы магазинов, торгующих в рассрочку, и т. д. и т. п.

И прежде чем мы пойдем дальше, несколько слов о магазинах, торгующих в рассрочку. Возьмем Нью-Роуд, Уайтчепел, где их полно. Они выглядят прилично, представляют собой небольшие двухэтажные здания, чистые, аккуратные, и их владельцы всегда готовы заплатить налоги в королевскую казну, когда за ними приходят налоговые инспектора. Принцип их бизнеса таков. Мужчина хочет купить пальто, или женщина хочет купить шаль, платье или какой-нибудь другой предмет женского гардероба. Так как по-соседски все знают, что этот человек имеет то или иное занятие, он может пойти в магазин, торгующий в рассрочку, будучи уверенным в успешном решении своего вопроса.

Женщина получает платье, которое она хотела, и договаривается платить какую-то сумму еженедельно до тех пор, пока весь долг не будет выплачен. Например, платье стоит три фунта – такую сумму целиком она не может надеяться иметь на руках. А пять шиллингов в неделю на протяжении трех месяцев в итоге сложатся в требующуюся сумму; и благодаря такой договорной системе выигрывает как женщина, так и владелец такого магазина.

«Британская королева», концертный зал на Коммершл-Роуд, – это респектабельное, приличное заведение, которое посещают проститутки низкого пошиба, как можно было ожидать. Но оно чрезвычайно благопристойное, а чего еще можно желать? Сержант заметил, что если бы эти безвредные развлекательные заведения не имели лицензий и не были доступны, то в их окрестностях рассеялось бы немало семян зла, и их бы заменили другие заведения, в десять раз хуже этих. Представители всех классов должны иметь отдых и развлечения. Моряки, которые сходят на берег после долгого плавания, *хотят* их иметь; и, добавил сержант, их дают этим морякам таким образом, что они не причиняют вреда ни себе, ни кому-то другому.

Потасовки и беспорядки случаются редко, хотя, разумеется, их можно ожидать время от времени. Танцевальные залы закрываются в двенадцать. В действительности их завсегда-таки перебираются в другие места обычно до этого часа, и очень немногие публичные места открыты в час ночи.

Я слышал, что произошли три драки: в «Прусском Орле», на Шип-Эли и Вэлклоуз-сквер в тот вечер, когда я находился в этом районе. Но когда я прибыл на место, я не увидел никаких признаков агрессивных настроений среди собравшихся людей, о которых было нам доложено, и это был единственный слух о беспорядках, который достиг моих ушей.

На Шип-Эли полно иностранных меблированных комнат. На ставнях можно увидеть надпись, которая указывает на национальность хозяина и характер заведения. Например, вывески *Hollandsche lodgement* достаточно для того, чтобы показать голландцу, что здесь говорят на его языке и он может получить здесь ночлег, если захочет.

То, что в этом районе есть отчаянные личности, достаточно красноречиво явствовало из того, что я увидел, когда оказался в полицейском участке. В камерах были заключены две женщины, обе хорошо известные проститутки. Одна из них уже побывала здесь не меньше *четырнадцати раз*, и лишь несколько часов назад ее привели в участок по обвинению в том, что она чуть не убила мужчину кочергой. У нее было нехорошее, тяжелое, неприятное лицо; лоб был низким, насколько я мог разобрать при скудном свете через глазок в двери камеры; нос – коротким и толстым с широкими ноздрями. Она ругала полицейского за то, что он побеспокоил ее, когда она хотела улечься спать, что, как я увидел, было довольно трудно сделать, так как там не было ничего, на что можно было бы прилечь, кроме подобия жесткого ящика, прикрепленного к стене у пола вдоль одной стороны камеры.

Другая женщина, которую звали О'Брайен, выглядела гораздо лучше, чем ее соучастница преступления. Ее рука была перевязана, и она казалась ослабевшей от потери крови. Полицейский поднял ей голову и спросил ее, не хочет ли она чего-нибудь поесть. Она ответила, что

выпила бы чаю, и было сделано соответствующее распоряжение. В одном питейном заведении она днем увидела мужчину, который ел хлеб с сыром. Чтобы завязать с ним разговор, она попросила дать и ей немного, а когда он отказал ей, попыталась выхватить у него из рук хлеб и наткнулась на нож, который он держал в правой руке, чем нанесла себе серьезное ранение. Несмотря на боль от раны, которая только привела ее в ярость, она накинулась на мужчину с палкой и нанесла ему жестокий удар по голове, опасный для жизни. За это преступление полицейский забрал ее в участок и посадил под замок.

Среди английских девушек есть немного таких, кого можно назвать собственно подружками моряков. Большинство из них либо немки, либо ирландки. Я видел многих немок, высоких, с бесстыдными лицами, одетых вызывающе, которые выделяли разные самые фантастические па в танцевальном зале на Рэтклиффском шоссе.

Можно также привести описание одного из танцевальных залов, которые часто посещают моряки и их женщины.

Если пройти через бар питейного заведения, вы подниметесь по ступеням и окажетесь в хорошо освещенной газовыми рожками длинной комнате. В ней вдоль стен стоят лавки, чтобы танцующие могли отдохнуть, и вы не сможете не заметить оркестр, который вполне достоин внимания. В большинстве случаев он состоит из четырех музыкантов, бородатых и на вид лохматых иностранцев, возможно немцев, которые играют на скрипке, корнете и двух дудках или флейтах. Оркестр обычно располагается в углу зала на возвышении, к которому ведут две ступени. Спереди оно обшито досками, оставлена лишь небольшая дверь с одного конца для исполнителей, для удобства которых ставят скамью или стулья. Там есть небольшая полочка, на которую кладут инструменты. Часто ее украшают оловянные кружки. Сама музыка просто замечательная, во всяком случае, в высшей степени бодрящая. Пронзительные звуки дудок и резкие – трубы, издаваемые в быстром темпе, возбуждают танцующих, пока они не закружатся в вальсе с огромной скоростью.

Меня сильно поразило то, как исполнялись различные танцы. Во-первых, в высшей степени соблюдались внешние приличия. И я также не заметил ни малейшей склонности к неприличному поведению. Излюбленными танцами, по-видимому, были польки и вальсы, да и разные па выделялись изумительно, учитывая общественное положение и образовательный уровень танцующих. Многие демонстрировали грациозность и естественную непринужденность, которые никто и не мог бы предположить. Но это чаще можно было наблюдать у иностранцев, нежели у англичан. Большинство женщин не имели ни малейшего представления о том, как надо танцевать. В ту ночь снаружи не было ничего примечательного, по крайней мере, в окрестностях Рэтклиффского шоссе. Может быть, их талант был зарыт в землю, но он не был замечен случайному наблюдателю. И все же я должен признать, что было что-то располагающее в выражении лиц женщин, чего нельзя сказать о мужчинах. Возможно, это была смесь покорности, безразличия и небрежности – и через все эти ступени в своей карьере каждая проститутка должна пройти. Она и не будет хорошо натаскана для своего занятия, пока не пройдет каждую фазу и они в какой-то степени не перемешаются. В этих женщинах была определенная внутренняя деликатность, чрезвычайно похвальная для их обладательниц. Это не была искусственная утонченность Вест-Энда, ничего подобного, а подлинная женская черта. Они не выглядели так, словно пришли туда именно для удовольствия, они выглядели для этого слишком деловыми, но казалось, что они хотели бы и намеревались соединить дело и удовольствие и повеселиться, насколько позволят обстоятельства. Одеваются они не в танцевальном зале, наряжаются они дома и идут по улицам в своих бальных платьях, без шляпок. Но так как они живут недалеко, этому не придается значения. Я заметил нескольких одиноких женщин, которые сидели каждая сама по себе, и в одном месте их было до полудюжины.

Лица подвыпивших моряков были отрешенными, скучными. Я не мог отделаться от мысли, что один из таких мужчин, увиденных мною в «Прусском Орле», был совершенный

Калибан. В тяжелых совиных чертах его лица было хитрое выражение, которое вместе с пьяным злобным взглядом и большим ртом делало его «самым настоящим чудовищем». Там и сям в толпе, собравшейся в зале, я заметил цветных мужчин и нескольких негров.

Сержанту случилось искать женщину по фамилии Харрингтон, которая совершила преступление, и при исполнении своего долга он должен был обыскать несколько пользующихся дурной славой борделей, которые, как он полагал, могли дать убежище правонарушительнице.

Мы вошли в дом на Фредерик-стрит (на которой полно борделей, и почти каждый дом используется в безнравственных целях). Но объекта наших поисков там не оказалось, и мы отправились на Брунsvик-стрит, которая местным жителям и полиции больше известна как Тигровая бухта. Обитателям и посетителям этого места часто приходится против их воли появляться в полицейском суде. В Тигровой бухте полно борделей и воровских притонов. В дом номер 6 мы вошли в сопровождении двух полицейских в форме, которые, как оказалось, несли дежурство у входа в заведение. Они хотели задержать преступницу, которая, как они резонно предполагали, станет искать себе убежище после ночной пирушки в одном из притонов бухты. Мы не нашли человека, которого искала полиция, но, спускаясь в кухню, обнаружили женщину, сидящую на стуле, которая, очевидно, ожидала кого-то.

«Эта женщина, – сказал сержант, – из самой худшей категории, какие у нас есть. Она не только вульгарная проститутка и подручная негодяев и воров, но и слуга при проститутках и разных темных личностях, таких же деклассированных, как и она сама; разница только в том, что она им прислуживает».

После этого мы обыскали два дома на противоположной стороне улицы. Комнаты, которые занимали женщины и их моряки, были больше и просторнее, чем я ожидал увидеть. Кровати были с пологом на четырех столбиках, и в некоторых случаях они были окружены выцветшими, грязноватыми ситцевыми занавесками. В них было обычное количество дешевой глиняной посуды, стоявшей на каминных полках, увенчанном небольшим зеркалом в позолоченной или из розового дерева раме. Когда было произнесено магическое слово «полиция», дверь распахнулась подобно тому, как раскрылась пещера разбойников, когда Али-Баба произнес «сезам, откройся!». Несколько секунд были даны человеку, открывшему нам дверь, на то, чтобы сесть на диван, и начался наш обход этого заведения. Моряки не проявляли никаких признаков враждебности во время нашего несколько неоправданного вторжения, и каждый раз мы имели возможность спокойно выйти, не найдя, однако, преступницу, которую искали. Это могло заставить скептиков слегка засомневаться в ее вине, но в действительности дело обстояло иначе, и, по всей вероятности, к настоящему времени справедливость восторжествовала.

Беглый осмотр интерьера бара «Скаковая лошадь» завершил наши ночные скитания. Это питейное заведение – одно из недавно появившихся в этом районе, и оно предлагает свои услуги и человеку, и животному до самого утра.

Большинство иностранок прекрасно говорят по-английски, некоторые отлично, другие с ошибками; это зависит от продолжительности их пребывания в стране. Одна немка рассказала мне такую историю:

«Я живу в Англии почти шесть лет. Когда я сюда приехала, не говорила ни слова на вашем языке, но в ту пору общалась со своими соотечественниками. Теперь я хорошо говорю по-английски, как и любой другой. Сегодня вечером я пришла сюда потанцевать с английским моряком, которого знаю две недели. Его корабль находится в доках и не отправится в плавание еще месяц. Я была знакома с ним и раньше, полтора года назад. Он всегда живет со мной, когда сходит на берег. Он хороший человек и отдает мне все свои деньги, когда на берегу. Я беру все его деньги, когда он со мной, и не трачу их быстро, как это делают ваши английские женщины. Если я не позабочусь, он все потратит за неделю. У моряков деньги как дождевая вода; они бросают их на улице, не заботясь ни о чем, оставляют их чистильщику обуви на перекрестке или посыльному. Я даю ему денег понемногу, когда они ему нужны. Он хорошо

меня знает и очень мне доверяет. Я честная женщина, и он чувствует, что может мне доверять. Предположим, у него при сходе на берег есть двадцать четыре фунта и он пробудет на берегу шесть месяцев, тогда он потратит со мной пятнадцать или двадцать фунтов, а что осталось – отдаст мне, когда будет уходить в море. Мы развлекаемся и тратим деньги на нас двоих. Для моряка очень плохо, если он оставляет деньги у себя; он попадет в плохие руки. Он пойдет к продавцу дешевого готового платья, который продаст ему одежду втридорога и оставит его без гроша. Я знаю очень многих моряков – шесть, восемь, десять, ах! – да еще больше. Они мои мужья. Я не замужем, разумеется, но они считают меня своей женой, пока на берегу. Я не особенно привязана ни к одному из них, у меня есть возлюбленный. Он официант в кофейне в доме с меблированными комнатами, где владелец немец. Мой возлюбленный – немец из Берлина, я и сама оттуда. Я там родилась».

Шедвел, Спитлфилдз (лондонский оптовый рынок фруктов, овощей и цветов. – *Пер.*) и прилегающие к ним районы заполнены борделями так же, как Уайтчепел. Для привлечения и развлечения моряков нужны женщины и музыка. Таких домов много на Хай-стрит в Шедвеле. Один из самых известных носит название «Белый лебедь» или просто «Гусь Пэдди». Говорят, его владелец зарабатывает деньги не одним способом. Содержание публичного дома – это излюбленный метод вложения денег в этих местах. Несколько лет назад один человек по имени Джеймс был отдан под суд за то, что у него было тридцать борделей. И хотя он был осужден, это ни в коей мере не улучшило ситуацию, так как в настоящее время ими управляет мой информатор по имени Брукс.

На Хай-стрит есть еще два хорошо известных дома – «Три короны» и «Виноград» (у последнего нет лицензии на проведение танцевальных вечеров).

«Гусь Пэдди», наверное, самое популярное заведение в этом приходе. О нем существует очень хорошее мнение в высших кругах. Во время Крымской войны его хозяин – правительству тогда были нужны моряки для комплектации флота – ходил по торговым судам на реке и завербовал на военную службу много людей. Его система набора была очень успешной. Он плавал на небольшом пароходике, на котором играл оркестр и развевались флаги и вымпелы. Все это снискало ему популярность в адмиралтействе и сделало его доходный дом широко известным среди моряков и всех тех, кто с ними связан.

Инспектор Прайс, под чьим надзором находятся ночлежные дома с дешевыми меблированными комнатами в этой части Лондона, очень любезно взял меня с собой в один из худших и один из лучших таких домов, являвших собой необыкновенную противоположность друг другу; и оба они были восхитительным примером превосходной работы замечательного Закона, регламентирующего их деятельность. Мы вошли в большую комнату, в которой в дальнем углу весело пылал большой камин. Вокруг него сидела группа из десяти – двенадцати человек, другие находились в различных частях комнаты. Позы большинства людей были вялыми, никто не читал; один готовил ужин; несколько человек развлекались тем, что отпускали в наш адрес критические замечания, спорили на тему причин нашего посещения и вообще обсуждали нашу внешность. Инспектор был хорошо известен владельцу заведения, который отнесся к нему с величайшей любезностью и уважением. Повсюду была чистота. В этот дом мог прийти всякий, кто располагал умеренной суммой в три пенса. Мне сообщили, что завсегдатаи этого дома, по большей части, проститутки и воры. То есть воры и их сообщники. Тому, кто платил деньги и требовал взамен комнату на ночь, не задавали никаких вопросов. В этом заведении имелось сорок кроватей. В нем было два этажа. Первый этаж был разделен при помощи дощатых перегородок на небольшие кабинки, предназначенные для женатых людей или тех, кто представлялся таковыми. Ввиду того что сумма, уплаченная за ночлег, была такой маленькой, разумеется, жильцы не могли ожидать, что получают чистые простыни, которые менялись лишь раз в неделю. На самом деле простыни были обычно черными или очень грязными. Да и как могло быть иначе? Мужчины часто были невымытыми и совершенно неприученными к чистоте,

от которой они были так же далеки, как и от благочестия. Полы и все вокруг было чистым, что делало честь управляющему персоналу наверху; кровати не стояли скученно в одном месте, а стояли рядами на определенном расстоянии одна от другой. Многие из них были уже заняты, хотя еще не было и одиннадцати часов, а дом обычно заполнялся к утру. Вентиляция была полной и достойной внимания. С каждой стороны комнаты имелось несколько вентиляторов, но ни одного на потолке – все были размещены сбоку.

Следующий дом, в который мы вошли, с виду был более аристократичным. Мы вошли через стеклянные двери и, пройдя по небольшому коридору, оказались в большой комнате, длинной и узкой, напоминающей кофейню. Входная плата была точно такая же, но завсегда-таки были, главным образом, рабочие, иногда докеры, уважаемые ремесленники и т. д. Сомнительные личности сюда не допускались владельцем ни под каким предлогом, и благодаря этому он сделал свой дом заведением для избранных. Несколько мужчин сидели за перегородками и читали газеты, которых здесь, как оказалось, было огромное изобилие. Условия проживания были очень хорошими, и все говорило об огромном уважении к полиции, которая, по-видимому, имеет здесь самую неограниченную власть и полностью контролирует публику низшего сословия в восточной части Лондона и заведения для нее.

Блугейт-Филдз – это не что иное, как притон воров, проституток и самых низких мерзавцев. И тем не менее полицейские сюда приходят безоружными без малейшего волнения. Там я был свидетелем сцен, которые описывали авторы с самым больным воображением, но которые были слишком ужасными для тех, кто никогда не видел их своими глазами и не может поверить в них. Мы вошли в дом на улице Виктория-плейс, которая выходит из Блугейта. В доме не было парадной двери. Мы прошли по маленькому коридору и оказались в кухне, где у жалкого очага сидела хозяйка. Рядом с ней мы увидели девочку, изможденную и печальную. Мы задали обычный вопрос: есть ли кто-нибудь наверху? Получив ответ, что комнаты заняты, мы поднялись на второй этаж, разделенный на четыре небольшие комнаты. Дом был двухэтажный. Хозяйка заведения сообщила мне, что она платит пять шиллингов в неделю ренты и берет с проституток по четыре шиллинга в неделю за жалкие комнаткушки, которые может предложить им в качестве жилья; но так как судоходство по реке в настоящее время вялое, для нее настали тяжелые времена.

Дом представлял собой жалкую лачугу, нуждающуюся в ремонте, и бедная женщина горько жаловалась на то, что домовладелец не хочет делать ремонт. В первой комнате, в которую мы вошли, находился матрос-индеец с какого-то судна и его женщина. В комнате стоял тошнотворный запах, который, как я обнаружил, издавал опиум, который он курил. Не было видно ни одного стула; не было ничего, кроме стола, на котором лежали случайные предметы. Индус лежал на соломенном матрасе на полу (остова кровати не было); он был явно одурманен опиумом. Чтобы укрываться, ему было достаточно пары старых рваных одеял. Рядом с ним сидела его женщина, которая по-дурацки пыталась «словить кайф» от пепла, оставшегося в его трубке. У нее было смуглое неумытое лицо, а руки были настолько черны и грязны, что на них можно было картошку сажать. Так как она сидела, опершись спиной о стену, казалась ожившим кулем тряпья. Очевидно, это была женщина крепкого телосложения, и, хотя ее измученное заботами лицо было покрыто морщинами, она выглядела не как старуха, а больше как человек, сильно ослабевший духом, а не телом. По всей вероятности, она была больна; и говорят, что от малайцев, индусов и вообще азиатов можно заразиться самой страшной формой сифилиса, которую только можно встретить в Европе. Она носит название «сушь», и ее боятся все женщины, живущие по соседству с доками. Оставив эту жалкую пару, которая была слишком одурманена опиумом, чтобы отвечать на какие-либо вопросы, мы пошли в другую комнату, которую правильнее было бы назвать дырой. В ней не было вообще никакой мебели, даже кровати, и все-таки в ней находилась женщина. Эта женщина лежала на полу, на котором не было ни пучка соломы. Она была укутана в нечто, что оказалось шалью, которую, не напря-

гая фантазию, можно было бы принять за наряд, украденный у огородного пугала с кукурузного поля. Она вскочила, когда мы пинком распахнули дверь, плохо висящую и неплотно притворенную, которая заскрипела на заржавленных петлях, когда зловеще качнулась назад. У нее было иссохшее лицо изголодавшегося человека, воспаленные блестящие глаза; черты лица были слегка обезображены болезнью, а тусклые волосы всклокочены и спутаны. Эта женщина больше походила на зверя в своей берлоге, чем на человека в своем доме. Мы заговорили с ней и из ее ответов заключили, что она ирландка. Она сказала, что с нее не берут плату за то место, где она спит. Днем она чистила сортиры, и за это ей предоставляли жилье бесплатно.

Следующий дом, который мы посетили, стоял на самой Блугейт-Филдз. Кухню на первом этаже занимали четыре женщины. Они ждали своих мужчин, которые, вероятно, были ворами. У них была банка пива, которую они передавали друг другу. Хозяйка дома ушла встречать своего мужа, которого в тот вечер должны были выпустить из тюрьмы, куда он попал три года назад за кражу со взломом. Случилось так, что срок его заключения должен был закончиться в этот день. Его друзья должны были собраться в его доме и отпраздновать его возвращение пьянкой, на которой, как нам сказали, все они надеялись напиться в стельку. Девушка, которая вызвалась дать нам эту информацию, добавила: «Да они все плевать хотели на полицию». Она, очевидно, предвкушала безмятежное состояние опьянения, о котором только что говорила.

В одном из домов – всего через несколько дверей – находилась женщина, хорошо известная полиции или, скорее, пользующаяся у нее дурной славой по той причине, что пыталась несколько раз утопиться. Я пожелал увидеть ее, и инспектор отвел меня в дом, где она жила. Содержательницей дома была ирландка, величайшая лицемерка из всех встреченных мною. Она чрезвычайно любезно держалась с инспектором, который однажды признал ее виновной в том, что она позволила трем женщинам спать в одной кровати, и оштрафовал ее на пять фунтов. Все это, как сказала она нам с самой занудной обстоятельностью, клянясь «Всемогущим Господом, сидящим на своем престоле», она сделала из милости, или пусть у нее отсохнет язык. «Эти девушки, – сказала она, – приходят ко мне ночью и клянутся (а я знаю: они правду говорят), что им негде приклонить голову. А ведь и у лис есть свои норы, и у птиц гнезда, и это стыд и позор, что они лучше устроены в жизни, чем христиане во плоти и крови. И однажды ночью я впустила двух девушек; а так как не было ни одной свободной кровати, я их всех устроила на одной. Пришли полицейские и оштрафовали меня на пять фунтов, которые я заняла у миссис Вильсон, которая живет по соседству. Пять золотых соверенов – чтоб я так жила! – и они взяли их все. Их я выплачивала по два шиллинга в неделю, и теперь я не должна ни единой душе и медного фартинга. Это так же истинно, как святость Иисуса, не говоря уж о его благословенном Евангелии». Женщиной, к которой мы пришли, была китаянка Эмма, или, как обращались к ней близкие подруги, Чейни-Эмм. Эта женщина, невысокого роста, довольно толстая, с совершенно невыразительным бледным лицом и светлыми волосами, имела такой вид, будто у нее отсутствуют всякие мысли, но ее ответы на мои вопросы были вразумительными и указывали на то, что она от природы медлительна и глуповата.

«Мои родители, – сказала она, – содержали бакалейную лавку на Госвел-стрит. Мама умерла, когда мне было двенадцать лет, а отец начал пить. Через три года он пропил магазин и через некоторое время умер то ли от пьянства, то ли еще от чего. Я стала жить с сестрой, у нее были дурные наклонности, и через год она убежала с каким-то мужчиной и бросила меня. Я не могла получить никакую работу, меня никогда не учили никакой профессии или чему-то такому. Однажды я познакомилась с моряком, который был очень добр ко мне. Я жила с ним, как его жена, и, когда он ушел в плавание, взяла половину его жалованья. Я была с ним шесть лет. Потом он умер от желтой лихорадки в Вест-Индии, и я больше ничего о нем не слышала. Я знаю, что он не бросил меня, потому что один из его друзей привез мне серебряную табакерку, в которой он держал свой жевательный табак. Ее он просил передать мне, когда был при смерти. Потом я некоторое время жила в Энджел-Гарденз, затем на Грэвел-Лейн. А сейчас я живу на

Блугейт-Филдз. Когда я переехала сюда, я познакомилась с китайцем по имени Апо. Сейчас он за границей, но посылает мне деньги. Вот только на днях я получила от него два фунта. Он часто присылает мне деньги. Когда он был здесь в последний раз, мы жили в меблированных комнатах Грегори. Я жила на Виктория-плейс и в Нью-Корт, все это в Блугейте. Апо обращался со мной плохо только тогда, когда я напивалась. Я всегда напиваюсь, когда у меня есть такая возможность. Апо обычно связывал мне руки и ноги и выносил на улицу. Там он бросал меня в придорожную канаву и лил на меня воду ведрами до тех пор, пока я не промокала насквозь. Но это не помогало. Не думаю, что есть какое-нибудь средство. Я умру за выпивку. Я должна ее получать, и мне все равно, что делать, чтобы ее получить. Я много раз пыталась себя убить. Временами у меня бывают приступы – приступы меланхолии, и я не знаю, что мне с собой сделать. Мне хочется умереть, и я бегу к воде и бросаюсь в нее. Но мне не везет, никогда не везло с детства – ах как не везло. Меня всегда спасали. Однажды я выпрыгнула в реку из окна на втором этаже на Ямайка-плейс, но проплывавший мимо лодочник выловил меня, и судья дал мне месяц отсидки. ТутOSHняя хозяйка (она назвала имя женщины, которая содержала это заведение) хочет, чтобы я отправилась в какой-нибудь приют, или на родину, или куда-нибудь в этом роде. Может, я так и сделаю».

Здесь вмешалась ирландка, воскликнув:

«Да, так она и сделает. Я отправила в приют для женщин четырех бедных девушек и Чейни-Эмм отправлю. Это так же верно, как то, что Всемогущий Господь сидит на своем престоле». (Это было ее любимое восклицание.) «Здесь она у меня живет в тишине; она никогда ни с кем не встречается и не пьет ни капли джина, который ей и не следует пить для спасения своей благословенной жизни, если ничем другим ее спасти нельзя. Она ее и сгубила, выпивка-то. Когда она получила деньги, которые Апо прислал ей на днях, я их все забрала у нее и потратила их на нее, но ни капли алкоголя не попало в рот Чейни-Эмм».

Это заявление жадной старухи было правдоподобным, за исключением того, что она потратила деньги на свою жертву. Джин, по всей вероятности, если и был куплен, то был употреблен в другом месте, где был в равной степени желанен. Что же касается того, что женщина ни с кем не встречается, то эта идея была абсурдна. Благотворительность (милосердие) старухи, как это обычно бывает, начиналась дома и почти не выходила за его пределы. Если она была исключена из мужского общества, значит, она, вероятно, была сильно больна.

Я знаю, что большинство женщин, которые сожительствуют с моряками, не нарушают общественный порядок, хотя, возможно, есть отдельные личности, имеющие привычку проявлять непокорность. Я считаю, что это оборотная сторона осторожности, так как временами они вполне благополучны, а временами из-за расточительности и вялого судорождства окунаются в нищету. Количество предлагающих себя женщин полностью соответствует спросу. Но так как спрос сильно колеблется, я не думаю, что о рынке можно сказать, что он «затоварен». Эти женщины невежественны, и их интеллектуальный уровень ниже среднего уровня проституток, хотя, наверное, такой же, как и у мужчин, с которыми они сожительствуют.

Подружки солдат

Дурные последствия отсутствия какой-либо системы регулирования проституции в Англии, наверное, лучше видны среди военнослужащих, нежели среди какой-то другой категории населения. Среди солдат очень распространен сифилис, хотя эта болезнь не столь опасна сейчас, как была раньше. То есть нет случаев провала нёба или части черепа, как это раньше демонстрировали экспонаты в музеях. Женщины, постоянными клиентами которых являются солдаты, на самом деле получают очень низкую плату. Потому что как может солдат из своего весьма скудного жалованья, которое обычно едва превышает шиллинг в день, позволить себе обеспечивать женщину средствами, необходимыми ей на жизнь? Из такого положения вещей

следует, что женщина может – или, что более верно, должна – вступать в интимные отношения с несколькими мужчинами за один вечер. А если предположить, что она заражена болезнью, то со службы ее величества будет выведено из строя на несколько недель столько мужчин, сколько ей случится «подцепить» в ходе ее поисков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.